

Майя Ракита

ДНЕВНИК ПРИЕМНОЙ МАТЕРИ

Серия «Семья для ребенка»

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Эта книга уникальна: шаг за шагом в ней отражается непростой процесс «отогревания» ребенка, попавшего из детского дома в приемную семью, процесс взаимной адаптации, полный радости и горечи. Автор — профессиональный психолог, поэтому она хорошо видит причины эмоциональных срывов, фантазий, агрессии ребенка, проблем с границами, общением и учебной. И, выделяя составляющие каждой проблемы, выбирает конкретные пути ее решения. Но при этом остается прежде всего любящей, принимающей, тонко чувствующей и сопереживающей мамой непростого ребенка.

Одна из частей целиком посвящена решению школьных проблем и профессиональному самоопределению.

Книга будет полезна всем родителям, вне зависимости от того, приемный или родной ребенок растет в семье, и интересна всем остальным читателям.

- **Майя Ракита**

- Начало обоюдоострой жизни

- Страхи

- Страхи из прошлого

- Придуманное прошлое

- Воспоминания нашего прошлого

- Мосты прошлого сожжены

- Не мой, но очень важный случай

- Время

- Наши слабые места

- Зимние фотографии

- Домашний образ жизни

- Порядок в комнате

- Геометрическое правило

- Страхи настоящего

- Страшны не страхи, страшны провокации

- Жизнь идет по плану и все ходы записаны

- Телевизор, враг мой

- Поглотитель времени

- Жизнь как чаша весов, полная слез

- Молчи, несчастная!

- Возрастной регресс

-
- Маленькое Я
- У кротона сильные листья
- Искусственный мир
- «Учитесь на кошках»
- Когда ребенок становится взрослым
- Полоса препятствий
- Головоломки
- Речевой регресс
- Этапы преодоления речевого регресса: дыхание
- «Ах, флейта, флейта — продолжение горла»
(Геннадий Жуков)
- Этапы преодоления речевого регресса: обида
- Проблески правды на пути прощения
- День рождения
- «Не знаю» или Битва за осознание
 -
 - Игра в вопросы и ответы
 - Зеркало
 - Зубы
 - Тигра виновата
 - Святая вода
 - Юмор
 - Щелбаны
 - Я буду...
 - Честные «Не знаю»
- Мальчики, дедушка и Аватар
 - Будут знать
 - Так было и больше не будет
 - Все мальчики ленивы
 - День Защитника Отечества
 - Дедушка
 - Детская власть манипуляции
 - Трудовое единение
 - Аватар подойдет
- Нежность
 -
 - Недоверие
 - Спасительная фраза
 - Нежность по отношению к Тигре
 - Тактичность контакта
 - Видеть настроение
- Вранье
 -

- Дамоклов меч над доверием
- Вранье как следствие отсутствия родительского контроля
- Обмануть время
- А обоняние на что?!
- Удобная жизнь
- Не наказывать за вранье
- Халтурный смысл вранья
- Импульсы
- Слово и дело
- Вранье и завиральные идеи
- Школьные трудности
 -
 - Первый день в школе
 - Вялость учебной позы
 - Твой стол
 - Моя рука на ее макушке
 - Сильный голос
 - Техника чтения
 - Смысл чтения
 - Трудности с русским языком
 - Сопротивление глаз
 - Довериться глазам
 - Отсутствие внутренней речи
 - Одиночество рук
 - Двойка
 - Напиши песню
 - Пятый класс
 - Ромашка
 - Лягушка
 - 2 года
 - Социальные роли
 - Иерархия

Майя Ракита

Дневник приемной матери

Посвящается моей дочери

Книга, представляемая вниманию заинтересованных читателей (трудно представить, что после прочтения первых страниц можно остаться незаинтересованным), предлагает многомерный подход к проблеме взаимной адаптации приемного ребенка и принимающей семьи. Уникальность книги заключается в позиции автора, соединяющего в себе эрудированного психолога и одновременно любящую, понимающую и чувствующую маму.

Профессионал видит причины возникновения страхов, детских фантазий, учебных сложностей или проявлений агрессии. Проблема детского дома — это не только недостаток любви, но и отсутствие естественных условий для выстраивания суверенного психологического пространства, обживания среды вокруг себя, формирования границ своего Я. Необходимость постоянного физического контакта, растерянность во внешнем мире и наглость в домашних условиях являются лишь следствием непроработанности личностных границ. Жестко организованная жизнь в детском доме не предоставляет ребенку свободы выбора — основного условия для развития навыка принятия решений о своих действиях. Отсутствие реальных представлений о семейной жизни приводит к замене их страшилками или беспочвенными иллюзиями.

Выделяя составляющие каждой проблемы, психолог выбирает конкретные пути ее решения. Но именно любящая мама осуществляет и описывает процесс последовательной, ведущейся в естественном для ребенка темпе совместной работы с имеющимися трудностями.

В книге подчеркнута также и та серьезная роль, которую в процессе адаптации ребенка к новой жизни играет опора на существующие у него ресурсы. Так, например, показано, что решение доступных по уровню сложности головоломок не только давало ребенку ранее не испытанное удовлетворение от выполнения интеллектуальных задач, но и укрепляло веру в себя и, в то же время, способствовало развитию когнитивных функций.

Самое главное, что удалось сделать автору, это успешная попытка выстраивания пути между Сциллой холодного теоретического знания и Харибдой неконтролируемых эмоций —

пути к нормальной жизни с ее вечными сложностями и радостями.

Никитина Е. А., кандидат психологических наук, научный сотрудник ИПРАН

Начало обоюдоострой жизни

(Я намеренно не буду называть имя дочери. Я не уверена, имею ли я на это право. Поэтому здесь, в этой книге, она будет моей доченькой, дочкой, дочерью, дочуркой, дочей.)

Каждый взрослый нутром понимает, что жизнь в детском доме — не сахар. Но ни один взрослый даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только беззаветное, огромное желание стать приемной мамой или папой такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи, а честно и открыто разделить ее на части. И относиться к каждой части как к целой жизни!

Да, наверное, вы узнали в моей идее разделить горечь на части известную притчу про слона. В этой притче каждый слепой схватился за какую-то часть слона и сделал вывод про то, кто такой слон и как он выглядит. Вам придется стать слепым человеком, чтобы ухватиться за каждую из частей того прошлого ребенка, о котором вам ничего не скажут ни документы, ни сам ребенок, ни воспитатели, ни директор. Вам обязательно придется на время ослепнуть, чтобы не думать, что вы видите и знаете эти проблемные части вашего ребенка. Потому что вы не знаете ни одной части горечи, испытанной вашим ребенком до детского дома, в детском доме, а какое-то время и после детского дома. Это очень важное понимание. Вам действительно необходимо понять, что вы ухватились за то, чего не знаете, о чем не имеете представления. И на ощупь, медленно, вы будете открывать вместе с ребенком эти части. В этом и состоит начало. Начало жизни с ребенком из детского дома.

Злая копия ребенка
посредине пустоты

Павел Кашин

Страхи

У каждой части есть свой страх. Во-первых, страх внутри самого ребенка. Во-вторых, страх вокруг ребенка. Когда ребенок живет в детском доме, он не только чувствует себя преданным, брошенным, глубоко обиженным своими родными. Ребенок пытается забыть плохое, сделать вид, что в его жизни «ничего такого» не было. Но чем больше и упорнее ребенок стремится забыть свою маму или папу, тем глубже проникает в его душу обида и злость. Запомните, страхи никуда не деваются. Они притупляются на время. Они затаиваются в уголках, тесня надежду на нормальную жизнь. Потому что жизнь в детском доме в принципе нельзя назвать нормальной ни для одного ребенка. Потому что в детском доме ребенку напомним о его брошенности другие, такие же брошенные дети. Напомним жестоко, вымещая собственные обиды на других, пытаясь забыть и делая другим больно точно также, как делали больно ему. Детский дом порочен по своей сути. Потому что ни в каком самом радостном детском доме дети не могут забыть свои страхи, не могут не причинять друг другу вред: им приходится страдать самим и заставлять страдать других. Прошое держит и будет держать в страхе всех детей детского дома, потому что его нельзя просто забыть. Даже со временем.

Доченька моя врет
Не задумываясь, но
Как задумает,
Истинная правда жизни
На вымысел похожа!

Страхи из прошлого

Придуманное прошлое

Моя дочь только на третий месяц нашей совместной жизни смогла начать воспоминание своего прошлого. Потому что первые месяцы она придумывала себе свое прошлое. Моя дочь всей своей душой желала иметь хорошее прошлое, которое она могла для себя только что разве выдумать. Я старалась ей не мешать. Но и не поощряла ее выдумки. Я не знала, правда ли то, что она рассказывала. Но я почти интуитивно чувствовала, что сейчас это вранье моей дочери нужно не меньше, чем рыбе вода.

Ребенок не может жить без знания о том, что с ним произошло. Моя дочь знала, что у девочки ее возраста (11 с половиной лет) могли быть, например, воспоминания о катании на роликах. Дочь взхлеб рассказывала, как они с подружкой катались на роликах, и как она научилась делать разные трюки не только на роликах, но и на скейтборде.

Простого вопроса о технике катания на роликах было бы достаточно, чтобы понять, что это голая неправда. Я слушала байки из якобы ее прошлой жизни и единственное, что мне приходило в голову, так это то, что моя дочь хочет мне показать, какая она хорошая и способная девочка. Потому что все ее завиральные истории в сущности были опытом нормального ребенка, который хочет похвалить себя. И дочь черпала самоутверждение для своей настоящей жизни, облагораживая свое прошлое.

Иногда получались из этого смешные казусы. Например, мы идем из моего офиса вместе домой, и я рассказываю дочери историю, которая случилась со мной в моем детстве. С нами идет еще моя подруга и она вспоминает, что с ней случилась подобная история. На следующий же день я встречаю дочь из школы. По дороге домой моя дочурка как ни в чем не бывало рассказывает мне историю, которая по ее представлениям произошла с ней прошлой зимой. Ее история является точным повтором моей вчерашней истории, но с добавлением того, что рассказала моя подруга. Потом мы вместе с дочкой смеялись и даже подтрунивали над тем, как ловко она пересказывает мои истории, да еще умудряется присвоить себе воспоминания моей подруги. Тогда я была уверена в том, что моя доченька прекрасно понимает, о чем мы смеемся. Но я также была уверена и в том, что когда моя доченька рассказывала мне «свою» историю из «своего» прошлого, она совершенно искренне верила в то, что это действительно произошло именно с ней. Моя дочь верила, что эта история является именно ее воспоминанием, а не той историей,

которую она услышала вчера вечером от меня. Мне было не жаль своих воспоминаний из детства для моей дочери. Если бы я могла, я отдала бы ей столько своих историй, сколько нужно было бы ей, чтобы заполнить душевную пустоту. Но я точно знала, что моими воспоминаниями можно увлечься лишь на какое-то время, потому что страхи прошлого давали о себе знать почти каждый день. Они были там. И они влияли на настроение, на сон, на поведение. Это придуманное прошлое было островком «нормальности» или «хорошести». Но оно не было ее прошлым. Оно было уже нашим настоящим.

Через какое-то время я стала настаивать на том, чтобы моя дочь различала то, что она придумывает, и то, что с ней произошло в «нашем» настоящем. Единственное, чего я хотела добиться, так это того, чтобы дочь понимала, что у нее есть ее настоящее! Мне было нужно убедить свою дочку в том, что это настоящее происходит именно с ней, а не с выдуманной девочкой. И что я — это я. И что наше настоящее происходит также со мной, ее приемной мамой, а не с кем-то еще. Я уделяла этому внимание постоянно. Все наши с ней километры дорог в школу и из школы, в магазин и из магазина, все наши прогулки и посиделки были посвящены осознанию нашего общего настоящего.

Мы с другом стоим на кухне. Первый день, как мы с дочкой вместе.

Друг говорит мне:

— Надеюсь, ты понимаешь, что она тебя не сможет называть мамой.

Моя дочь распахивает дверь, врывается на кухню и кричит:

— Мама, мама! Смотри, что я нарисовала!

Воспоминания нашего прошлого

Конечно, в нашем настоящем были наши воспоминания, которые касались нашей жизни после детского дома. Как-то раз моя дочь сказала мне за ужином, что она решила, что я стану ее мамой в первый же день нашего знакомства. Меня это удивило. Это было неожиданно, поскольку наша жизнь складывалась очень сложно.

Когда мои друзья спрашивали меня, как я выбирала себе ребенка в детском доме, я пыталась рассказать им, что выбирать себе детей в принципе невозможно. Когда ты заходишь в детский дом, на тебя наваливается орава малышни, тебя тянут за руки, за одежду, не дают ступить и шагу двадцать пар рук. И еще двадцать пар глазенок смотрят на тебя с такой надеждой, что ты забываешь все на свете и не можешь сдержатъ рыданий. Все твои чувства обостряются настолько, что тихим голосом произнесенный каким-то малышом прямой вопрос: «А вы будете моей мамой?» превращается во внутренний крик души. И ненависть ко всему человечеству подступает так близко к сердцу, что приходится срочно бежать в какой-нибудь уголок тайком смахивать слезы и приводить себя в порядок. Сбежать в этот момент, поддаться слабости возможно. В этом нет ничего постыдного. Но вернуться сложнее во сто крат! Хотя и это возможно. Невозможно понять само наличие и увеличение количества детских домов, не понять ни умом профессионального психолога, ни сердцем женщины. Что касается меня, то я приехала за конкретным ребенком, с которым провела вместе Новый год у моих друзей, а взяла ту девочку, которую мне дали. Взяла без сопротивления и в соответствии с законом жизни: дают — бери!

Так вот. Доченька очень подробно вспомнила тот день, когда я впервые ее взяла из детского дома с собой. Поскольку детский дом находился не в моем, а в другом городе, я жила у своих друзей и могла пригласить свою будущую дочь только к ним, получив предварительно их согласие. Дочка вспомнила, как мы рисовали, как болтали, как смотрели все вместе «Мадагаскар-2», как делали винегрет, а вечером взбивали молочный коктейль с бананами, как рассматривали все вместе фотографии родного моего города, города, в который нам предстояло через какое-то (никто не знал, какое) время уехать и жить. Дочь вспомнила и о том, как я укладывала ее спать и читала сказку на ночь. А когда мы легли, прикасаясь друг к другу, моя дочь именно в тот момент подумала, что я стану ее мамой. Она так и сказала мне за ужином по прошествии более трех месяцев с того самого момента, что это

она меня выбрала.

Потеряла крест
Дочурочка в дороге.
Да снег не тает —
Держится за крестик тот.
Сыщется ли ее прошлое?

Мосты прошлого сожжены

И пусть до ее приезда в мой город у нас был еще месяц, она не переставая, думала обо мне. А я о ней. Я бегала с документами по инстанциям. А она выдержала разговор с родной мамой. Рыдала ночами.

Моя будущая дочка отказалась наотрез брать с собой какие-либо фотографии из прошлой жизни. Моя будущая дочь сожгла все мосты и уехала со мной в незнакомый город, к незнакомым людям. Моя дочь пошла в незнакомую школу и стала преодолевать незнакомые ей трудности. Это не значит, что она перестала рыдать. Это не значит, что она перестала отказываться. Это не значит, что она перестала бояться. Это не значит, что она перестала хотеть забыть свое прошлое, и особенно, свою маму навсегда! Это значит, что она осмелилась начать со мной жить. И нам предстояло в нашей жизни построить новые мосты. Потому что старые мосты дочь сожгла, чтобы уехать. И теперь нам нужны были другие мосты, чтобы остаться.

В моем случае настоящее было осознано за три месяца и принято ценой невероятных душевных и профессиональных усилий не только с моей стороны, но и со стороны моей дочери. В конце третьего месяца у моей дочери появилось первое воспоминание из действительно ее прошлой жизни. Конечно, в какие-то моменты до этого она пыталась мне что-то рассказать. В ее памяти всплывали воспоминания. Но попытки рассказать о них превращались в стоны и захлебывание слезами. Слезы катились градом, и дочь не могла произнести ни одного слова. Она выдавливала из себя какие-то непонятные звуки, и мне приходилось ее долго успокаивать.

Не мой, но очень важный случай

Среди моего окружения только одни дальние знакомые взяли маленького ребенка из детского дома. Мальчик лет 3–4 без конца спрашивал своих приемных родителей:

— Мама, как же ты могла оставить меня в детском доме?

Мама была растеряна. Она-то не оставляла этого малыша, а наоборот взяла его из детского дома.

— Папа, как же ты мог оставить меня в детском доме?

Папа тоже ничего не понял. В первый раз. Но со второго, третьего раза приемные родители повинились перед этим мальчиком и просили прощения. Мама просила простить ее за то, что она оставила своего маленького мальчика в детском доме. Папа умолял простить его за то, что он позволил случиться тому, что его любимый сыночек попал в детский дом.

— Бабушка, как ты могла оставить меня в детском доме? Бабушка, как ты могла разрешить моей маме бросить меня?

И бабушка просила прощения за то, что позволила своей дочери бросить любимого внука в детском доме.

— Дедушка, как ты мог оставить меня в детском доме, почему ты меня не забрал оттуда?

И дедушка тоже просил его простить за то, что он не забрал своего любимого внука из детского дома раньше.

Вопросы маленького мальчика были обращены к его новым родителям, которые перед ним ни в чем не виноваты. НО им пришлось взять всю долю вины и ответственности за кровных родителей, которые бросили своего маленького сынишку, которые отказались его воспитывать. Приемные родители просили простить их. Конечно, мальчик их простил. Дети хотят все и всех простить. Им нужно в этом помочь. Например, взять вину на себя.

Тяжек груз вины

И мало знать о боли.

Сердце нервно рвется.

Доченька, как тебе забыть

Жасмина чудный запах?

Время

В современном мире люди воспринимают разговоры о времени как некую банальность и обыденность. Во многом такое восприятие оправданно той обыденной и банальной жизнью, которую ведут эти люди. Как правило, серьезное отношение ко времени появляется либо с возрастом, поскольку смерть не за горами, либо с потрясением, несчастьем. Не зря же народная мудрость гласит: «Счастливые часов не наблюдают». Ценить каждый час своей жизни — задача непомерно сложная еще и потому, что наполняется этот самый каждый час заботами, делами и хлопотами автоматически. Лишь те ситуации, которые выбивают взрослого человека из его автоматического состояния, заставляют задуматься и о времени, и о смысле проведенного времени, т. е. самой жизни.

Совсем другое восприятие времени возникает у взрослого человека, в жизни которого появляется ребенок. И не просто сын или дочь подруги. А ребенок, который каждую секунду, каждый час находится рядом с тобой. Поверьте, эта ситуация заставляет задуматься о том, как и чем заполнить жизнь ребенка. Моей дочке было 11 с половиной лет, когда под Новый год мы приехали ко мне домой и стали жить вместе. Она практически не умела читать. Школьный образ жизни сформирован был неправильно, так как она иногда приходила на второй урок, а иногда и на третий, появлялась без домашних выполненных заданий, ей все сходило с рук, так как она в обычной школе была на особом, явно привилегированном положении ребенка из детского дома. И единственное, что моей будущей дочке давала привилегия детского дома — это заветные тройки. А какие еще могли быть оценки у ученицы четвертого класса, которая не могла толком прочитать даже условие задачи! Но если о школе у моей дочки имелись хоть какие-то представления о классе и учителе, то домашнего образа жизни не было вообще. Поэтому на время зимних каникул я, как слепая, ухватилась за дом. И мы стали его обживать.

Множество мышек
В нашем доме: слепленных,
Резных, бисерных —
Ждут часа своего.
Да репка медленно растет!

Наши слабые места

За несколько первых дней нашей жизни мы купили необходимые вещи моей доченьке. Стояла зима, выпал снег, а мы, подставляя свои лица падающим снежинкам, ходили от магазина к магазину. Доченька моя притомилась, я была шокирована ценами на детские вещи и огромным количеством того, что действительно было необходимо. Выяснилось, что мою дочку в маршрутке укачивает. Поэтому мы садились и ехали до того момента, пока тошнота не подступала к горлу. Мы сразу же выходили и там искали нужные нам вещи.

Все эти походы за одеждой и обувью выявили наши слабые стороны. Слабость моей дочки была в том, что она никогда не решала сама, что надевать и что носить. Ее никогда не спрашивали, что ей нужно. Она никогда не делала самостоятельный выбор относительно одежды или обуви. Личных вещей в детском доме у нее не было, и носила она только то, что ей давали.

Слабость моя оказалась в том, что я понятия не имела ни о детских размерах, ни о детских материальных потребностях. А от надежды на то, что дочь сама начнет себе выбирать вещи в свои 11 с половиной лет, пришлось отказаться сразу же. Дочка смотрела на вещи обреченным взглядом, крепко держала меня за руку и ни при каких обстоятельствах не желала оставаться одна. Мои уговоры присесть на диванчик и снять свои дырявые сапоги, пока я ей буду выбирать для примерки ту или иную пару обуви, не действовали. Дочь крепко вцепилась в меня и ни за что не могла разжать руки.

Продавщицы тоже мало в чем разбирались. Им было глубоко фиолетово на наши с дочкой затруднения. Мои просьбы принести нам зимние сапоги такого-то размера были выполнены лишь единожды. Никто не собирался нам помогать. Мы за руку ходили по магазину, я выбирала пару сапог. Дальше мы шли опять же за руку, присаживались на диван, дочка при мне снимала свои сапоги, надевала новые. Если сапоги нам не подходили, мы опять надевали старые, шли искать другую пару сапог за руку, выбирали и опять примеривали. С горем пополам, не разлучаясь ни на секунду, мы оказались обуты и одеты.

Зимние фотографии

Все наши походы и прогулки на зимних каникулах сильнейшим образом истощили меня физически. Я буквально на себе носила свою дочь. Спустя много месяцев я, просматривая фотографии наших прогулок и поездок, заметила, что на всех зимних фотографиях моя дочь нигде не стоит самостоятельно. Вот она висит на мне, вот она буквально налегла на сына моего друга, а вот она ухватилась сзади и почти всем своим весом пригнула мою подругу к земле. И я тогда подумала, насколько же тяжело стоять на земле своими ногами брошенным детям. Поверьте, что эта «висячесть» не есть детское стремление повозиться, поваляться, побеситься с другими детьми или взрослыми. Конечно, моя доченька постоянно заигрывала, дралась, толкалась, убегала и прибежала. Она была постоянно в движении. Но постоять спокойно и самостоятельно одну минуту, чтобы сфотографироваться, была для нее задача ни физически, ни психически непосильная.

Я осознанно первые месяцы позволяла своей дочурке висеть на мне. Себя я настраивала мыслями о нелегкой роли матери, которой приходится носить своих детей на руках с младенчества. Это правильное понимание, что ребенок растет благодаря энергии матери. Только материнская сила способна поставить ребенка на ноги в прямом и в переносном смыслах. И когда возникает ситуация, что ребенок лишается своих родителей по любой причине, то ребенок, в первую очередь, лишается именно родительской силы, родительской защиты, родительской энергии. И я знаю, что детский дом, какой бы он ни был, никогда не поставит на ноги своих воспитанников. По одной очень простой причине, мудрой и житейской — никто не будет делиться своей энергией, чтобы каждого брошенного ребенка взять под «свое крыло». А энергии детдомовскому ребенку нужно во сто крат больше, чем ребенку, находящемуся под родительской зашитой. Ребенку из детского дома нужна и энергия, чтобы справиться со своими прошлыми ужасами, и энергия, чтобы встать на ноги.

Солнечная пылинка
Обманом веса не имеет.
А как вдохнешь, так
Грузом ляжет. Придавит
То, что я сказать хотела

Домашний образ жизни

Не проходило и дня, чтобы я не вспоминала в сердцах свой разговор с воспитателем детского дома. Мы сидели на очередном празднике детского дома. На сцене пели и плясали детишки. И в этой атмосфере случился такой разговор:

- Возьмите эту девочку, она Вам будет мыть полы. Она хорошо их моет.
- ???
- Она умеет мыть полы, Вы не думайте...
- Мне нужна дочка, а полы я и сама могу помыть!
- Зачем же самой?

Другая часть нашего домашнего образа жизни выявила другую реальность. Насколько моя дочка казалась испуганной и растерянной во внешнем мире, настолько же она оказалась наглой, агрессивной и беспардонной дома, в нашей квартире. Если в магазине она крепко держала меня за руку и была, как бы, приклеена ко мне, то дома она устраивала жуткие погромы. Вот такие разговоры у нас бывали достаточно часто:

- Да. Разбросать свои вещи в разные стороны ты смогла. А теперь давай все приведем в порядок и сложим на свои места.
- Еще чего!
- Доча, но это же твои вещи?
- Вот ты и убирай!
- Я занимаюсь своими домашними делами, а у тебя есть свои.
- Я тут не уборщица, я убирать ничего не буду!
- Так что, ты собираешься жить в таком беспорядке?
- Нет, ты будешь убирать у меня в комнате!

Вы теперь понимаете, почему не проходило и дня, когда бы я не вспомнила пресловутую фразу воспитательницы из детского дома: «Возьмите эту девочку, она вам помоеет полы!». Прошло больше года, а моя доченька только один раз действительно мыла полы. И прошли миллионы минут разговоров о том, что такое свой дом, своя комната, свои вещи, свои домашние дела, прежде чем моя дочурка что-то сделала по дому.

Оно и понятно. Представьте себе детей, которым

прислуживают специально нанятые государством взрослые люди. Государство наняло поварих, чтобы они готовили, кормили и мыли за детьми посуду. Государство наняло уборщиц, чтобы они мыли, подметали, стирали и все прочее. Государство наняло воспитателей, чтобы они их будили, одевали, водили в школу, приводили обратно в детский дом, готовили им уроки и все прочее. За какие заслуги у детдомовских детей такие слуги? Этот вопрос меня мучил без конца. Я понимала всю несостоятельность и язвительность этого риторического вопроса, но волей неволей он возникал с новой силой.

Когда состоятельная семья на свои заработанные или вовремя украденные деньги строит большой дом, нанимает прислугу, поваров, садовников, гувернеров — это нормально. Дети знают, что эти люди работают на них и получают за это деньги. А деньги зарабатывают родители. Здесь нет никакого порока. Все работают. Каждый зарабатывает на жизнь как может. Как говорится, кто на что учился. А что понимают дети из детского дома, к каким мыслям привыкают они? Согласитесь, к хорошему все люди привыкают быстро. Но это хорошее создают люди своими силами. А данным детдомовским детям еще даже не представилось случая сделать что-то хорошее своими силами, как они уже привыкли к полному обслуживанию. И это порочно!

Даже неважно, что нанятые государством люди думают, что это они главные в детском доме. Безусловно, все их рассуждения о своей работе ограничиваются выполнением функциональных обязанностей. Но у них-то есть свой дом, свои родные, свои вещи. Они не лишены домашних хлопот у себя дома. Их никто не лишал свободы готовить обед своему мужу, мыть полы у себя дома. Может быть, домашние хлопоты им неприятны. Возможно даже, что они без удовольствия убирают свой дом. Главное, что у них изначально есть право это делать! А у детей детского дома такого права априори нет! И все разговоры о том, что дети детского дома помогают уборщицам мыть полы глупы и кощунственны по своей природе, так как у детей нет никакого желания помогать зарабатывать уборщицам свою положенную зарплату. И если они это делают, то делают они это из весьма неблагодарных мотивов.

Посуду моя дочь впервые помыла на третьем месяце нашей совместной жизни. Борьба за чистоту и домашний порядочный образ жизни оказалась настоящей битвой без врага. Я хорошо понимала, что нужно ввести правила и следовать им неукоснительно. Мне понадобилась вся моя устойчивость, чтобы не потянуться за валяющейся кофточкой и не положить ее в красивый зеркальный шкаф моей дочери, предварительно свернув. Мне это было сделать легко и почти естественно. И уж

тем более не лень. Дело в том, что мне нужно было воспитать у своей доченьки, во-первых, позитивное отношение к своей комнате, во-вторых, ответственное отношение к своим вещам, и в третьих, научить ее самостоятельно принимать решения. Конечно, воспитание — слишком объемный процесс. Но, вспомнив притчу о слепых, я в начале устройства домашнего образа жизни решила сконцентрироваться на порядке в комнате и еде.

Порядок в комнате

Я установила правило, которое гласило: «Если вещь валяется на полу, значит она не нужна и ее можно выбросить!» У моей дочери после похода по магазинам сложилось твердое убеждение, что мои слова не расходятся с поступками. Уж если я что сказала, то можно быть уверенным на 100 % в том, что я так и сделаю. Дочь на своем опыте убедилась в моей устойчивости к ее «хочу-купишкам». А хотела она всякой ерунды типа той бесконечной мишуры, которая продается на полках у кассы любого крупного универсама. Если она ныла, я внимательно смотрела ей в глаза и спрашивала: «Сколько времени у тебя эта игрушка продержится?». Дочь отвечала: «Все время, я ее буду беречь!». Я покупала эту игрушку, напоминая про правило. И как только на следующий день я обнаруживала именно эту, якобы дорогую ее сердцу игрушку, валяющуюся на полу, я демонстративно поднимала ее с пола и выбрасывала в мусорное ведро. Моя дочь злилась, рыдала, но я была непреклонна. Правило нарушено. Если вещь дорога, то ее надо беречь и у нее должно быть свое место! Так мало помалу моя доченька воспитывала в себе бережливость, ответственность. Она стала более аккуратна и внимательна к своим любимым игрушкам и вещам хотя бы первое время. Конечно, потом новизна исчезала и вместе с ней исчезало бережное отношение к вещам. До остального пока не хватало ни рук, ни внимания. Я ей помогала и устраивала совместные уборки.

С уборкой мы долго не находили общего языка. «Еще чего!» так и слетало с языка моей дочери. Автоматически! Я понимала, что автоматическую реакцию преодолеть сложнее, чем можно было бы ожидать. Поэтому терпеливо вместе с ней сначала наводила порядок в ее комнате, а потом начинала убирать свою комнату, кухню и коридоры. Очень скоро такая терпеливая стратегия дала хорошие результаты: дочь заинтересовалась пылесосом. Ее в принципе привлекали устройства и приборчики. Долго они не жили, но жажду нового утоляли. Например, фонарики нами покупались почти каждые две недели. Она их собирала-разбирала, брала на ночь в кровать и там, под одеялом игралась с ними или просто лежала и светила в потолок или на стены комнаты.

Ритуал засыпания с фонарем продержался долго и тоже сыграл позитивную роль в нашей жизни. На покупку фонарей я не скупилась, так как они были носителем принципа, частью необходимого ритуала. Все остальные «хочу» я полностью

игнорировала, поскольку они не представляли ценности для нашей жизни. К тому же, за них не надо было нести никакой ответственности.

Так вот, моя дочь заинтересовалась пылесосом. И я стала поручать ей уборку сначала ее собственной комнаты, а затем и всей квартиры. Ковер в моей комнате отличался от ковра в комнате дочери структурой ворса и пылесосить его было труднее. Я показала и рассказала, как удобнее пылесосить мой ковер, и дочка больше не испытывала никаких трудностей с уборкой всей квартиры. Очень скоро нам понадобился новый пылесос. Сила, с которой дочь жала на трубки, расплющила их и по ним пошли трещины. Но зато наша квартира была чистая. Новый пылесос понравился моей дочурке. И теперь она без проблем убирается. Но полы не моет. Их, по-прежнему, мою я. И еще одного мы не достигли из того, чего бы мне очень хотелось. Инициативы в домашнем образе жизни. Да, моя дочь без проблем пропылесосит квартиру. Но только после того, как я ей скажу или напишу об этом. И никак иначе. Моей дочери не придет в голову ценная мысль о том, что пора бы и убратсья. Пока инициативных мыслей в голове моей дочурки не водится.

Геометрическое правило

Но через один год и три месяца я смогла ввести еще одно правило. Я назвала его «геометрией действия», поскольку моя дочь стала делать успехи в геометрии. У дочки видимо и от природы было неплохо развито зрительно-пространственное воображение. А я еще поддержала развитие способностей дочурки в этом направлении. Так вот, как-то раз после ужина я объявила, что сейчас мы займемся изучением очень ценного геометрического правила, которое в школе вряд ли будут преподавать. Я попросила свою дочь принести на кухню фломастеры и большой лист белой бумаги. Мы сели рядом, и я разделила лист линией на две равные половины. Одну половину я назвала «Беспорядок». Другую — соответственно «Порядок».

— Дочь, смотри, сейчас я открою тебе тайну беспорядка, — сказала я.

— Мама, а где геометрия?

— Смотри на мой рисунок, и она появится, ты ее узнаешь в линиях, — убежденно ответила я. И моя дочь стала заворожено наблюдать за моим рисованием.

Я нарисовала кружок, приделала к нему туловище в виде овала и нарисовала ручки и ножки тоже овалами. «Это ты, — наметнула я. Ты пришла со школы и переодеваешься. Вот ты снимаешь школьные брюки, — я нарисовала аккуратные брючки рядом со схемой человечка. Смотри, вот ты бросаешь их здесь. Я нарисовала диван под брюками. А они должны висеть на стуле». Чуть ниже я нарисовала стул с высокой спинкой в проекции 45 градусов.

— Да, стул хорошо получился, правда? — спросила я свою дочь.

— Мама, а при чем тут беспорядок!?

— Вот! Ты и спросила о главном. Мы к нему подошли вплотную. Смотри, что будет дальше. Итак, ты бросила свои брюки здесь, например, на диване. И ты подумала, что потом их повесишь на стул, а сейчас тебе захотелось... например, порисовать. Ты переходишь к своему столу и начинаешь доставать свои карандаши, фломастеры, альбом. Ты придумала, что именно будешь рисовать и рисуешь.

Я нарисовала перемещения человечка по комнате стрелочками. Добавила рисунок письменного стола в комнате дочери, на котором появилось много предметов для рисования.

— Ты за столом. Прихожу я и что я вижу?

— Что я рисую?

— Да, сначала я вижу, что ты сидишь за столом и рисуешь. А потом я вижу, что в комнате все разбросано. Одно дело — разбросано то, что необходимо тебе сейчас. То, что разбросаны фломастеры, карандаши, энциклопедия рисования валяется на полу, листы из альбома — все это состояние твоей комнаты я могу гордо назвать «творческим беспорядком». Но то, что валяется на полу рубашка, в которой ты ходила в школу, а на диване лежат брюки, колготки тоже валяются на диване, только в углу — все это я могу уверенно назвать беспорядком. А теперь появится геометрия беспорядка. Смотри внимательно!

Я рисую такого же человечка. «Это я, ты уже это поняла. Для того, чтобы твои школьные брюки повесить на стул, ты идешь к дивану». Стрелочкой я помечаю передвижения первого человечка от письменного стола к дивану и помечаю это действие номером 1. «Дальше ты берешь свои брюки и идешь их вешать на стул, где они и должны были находиться». Я рисую стрелочку от дивана к стулу и маркирую ее номером 2. «Затем ты возвращаешься к своему рисованию». Я рисую стрелочку и ставлю номер 3 рядом с ней. «Это и есть СУЕТА, как следствие беспорядка». Я крупными буквами красным фломастером пишу слово «Суета» и слово «Потом». «Я надеюсь, ты понимаешь, как эти слова связаны между собой: мысль про то, что ты потом убережешь свои брюки, рубашку порождает суету, которую я и изобразила стрелочками».

«А еще бывает и так. Ты остаешься на месте рисования. А я иду к твоим брюкам». Я рисую передвижение человечка под номером «2», то есть себя и помечаю эту стрелочку номером 1. «Я лично беру твои брюки с дивана и иду их складывать на стул». И это свое перемещение я отмечаю стрелочкой под номером 2. «Конечно, я стараюсь, чтобы ты сама следила за своими вещами, но иногда мне приходится убирать их по местам за тебя, а это в один прием не получается, как видишь на нашем рисунке. Но самое главное, что всей этой бесполезной и занудной суеты могло не быть, если бы ты знала и следовала геометрическому правилу порядка».

Я перешла к рисованию на второй половине листа. «Начнем все сначала: доченька моя приходит из школы домой». Я рисую опять ту же смешную рожицу с ножками и ручками в виде палочек, овалов и кружочков. Дочь очень довольна моим рисованием. Ей нравится схема «человека». «Ты, как обычно, начинаешь сразу переодеваться: снимаешь брюки и идешь к стулу их повесить». Я рисую стул, на котором висят брюки, и отмечаю это действие стрелочкой под номером 1. «Дальше ты хочешь порисовать и ты садишься за стол и рисуешь. А твоя комната находится в полном порядке. И когда я к тебе прихожу, ничего не

отравляет моего зора. Я вижу только хорошее — моя дочь рисует!».

— Здорово! А ты мне обещала рассказать о секрете?

— Да, теперь, когда есть рисунки «Порядка» и «Беспорядка» и ты можешь видеть, чем они отличаются друг от друга, только теперь я могу открыть тебе секрет порядка. Секрет заключается в девизе: «Никаких промежуточных действий: все сразу и сейчас!». — Я крупными буквами пишу на стороне «Порядка» слова «Сразу» и «Сейчас». — Секрет прост, как одно действие, но очень качественное и результативное. Ты, конечно же, можешь создавать суету большим количеством действий, у которых только один результат. Лично я предпочитаю получать один результат за одно действие. И так происходит в любом деле. Не только в поддержании порядка в собственной комнате. Давай повесим этот лист с рисунками на стенку в твоей комнате. Пусть он будет у тебя перед глазами и напоминает тебе о том, что ты знаешь секрет порядка и сможешь ему следовать!

Первое время я постоянно обращала внимание своей дочери на промежуточные действия. Иногда мы вместе с ней устранили. Иногда я наказывала дочь, вытряхивая все содержимое на пол и заставляя более внимательно и аккуратно все упаковать и разложить вещи сразу по своим местам. Порой мне все-таки приходилось выбрасывать игрушки и вещи. Но гораздо реже, чем это было вначале. К сожалению, инициативы что-либо убрать нет до сих пор. Но настроение, с которым моя дочь относится к своей комнате и своим вещам, можно уверенно назвать приятным.

Страхи настоящего

Каждый ребенок, живущий в детском доме, мечтает о жизни в семье. Дети мечтают о маме, о папе, о том, как они будут вместе жить и радоваться этой новой жизни. Я думаю, что многие разговоры, которые дети ведут в детском доме, так или иначе крутятся вокруг их будущей прекрасной жизни с мамой и папой. И как всякие мечты, их мечты полны радужных надежд.

Но не только. Их мечты так же полны и жутких страхов. Потому что все неизвестное является устрашающим. И мечты о будущей неизвестной жизни надежно извращаются самими детьми и самими условиями жизни в детском доме. Если бы каждый из этих детей мечтал о своей маме в одиночку, наверное, у него не было бы столько страхов. Потому что одному невозможно объять все имеющиеся в мире страхи. Но вот в группе девочек и мальчиков это вполне возможно. Безусловно, в стороне не остается и преданный друг детей — телевизор. Так вот, в копилку мечтаний о будущей прекрасной жизни попадают все известные миру извращения, которые в принципе могут делать взрослые люди с детьми: бить, насиловать, продавать, убивать, заставляя мыть и убирать, морить голодом и т. п. Поверьте, этот список не так уж и мал.

Если на одном полюсе мечты о новой жизни с родителями «живут» страхи и извращения, то на другом полюсе этой мечты о будущей прекрасной жизни с новыми мамами и папами «живет» не что иное, как вожделение о богатой, потребительской, и я бы даже сказала, беззаботной жизни. Дети в разговорах о прекрасной, сытой и богатой жизни проводят никак не меньше времени, чем в разговорах об ужасах и извращениях, которые могут случиться с ними в жизни с их новыми мамами и папами. И, безусловно, рейтинг душещипательных бесед о страхах и прелестях значительно превышает рейтинг бесед об успехах в школе. Мечтания о будущей жизни разве могут сравниться с корпением над книгой или выполнением домашних уроков?

А теперь представьте, ребенок из детского дома с багажом мечтаний о беззаботной жизни и копилкой всех известных ему ужасов действительно оказывается с новой мамой в незнакомом городе. Как я уже писала, страхи прошлой «плохой» жизни меркнут перед страхами настоящего. Что может случиться с детдомовским ребенком в приемной семье? Вы видели, как избивали бедного мальчика в каком-то там селе какой-то там области? А как с нашими детьми обращаются в Америке? А сколько детей погибло от рук извращенцев в Италии? Вот эти

вопросы волнуют общественность превыше всего. Потому что они дают пищу благородному гневу народа и повышают рейтинг телевизионных нечеловеческих шоу. Но никто не задумался над тем, зачем и кому вообще нужны детские дома? И зачем столько горя вокруг при неуклонном повышении материального уровня жизни россиян?

Страшны не страхи, страшны провокации

Мне тоже было страшно за наше настоящее. Потому что моя дочь постоянно меня провоцировала на агрессию. Она делала все возможное для того, чтобы я ее побила. А я делала буквально невозможное для того, чтобы вовремя остановиться и не поддаться на провокацию. Так мы и жили первый год в жутком напряге. На улице дочь на мне висела и на моей энергии познавала новый мир нового для себя города, новой школы. А дома, наедине со взрослой женщиной, то есть мной, она чувствовала себя маленькой и беззащитной и напрямую реализовывала все десятки раз обговоренные в детском доме страхи и извращения.

Жизнь идет по плану и все ходы записаны

В первый же день, как только мы оказались с дочкой дома, она у себя в комнате построила наподобие пьедестала, сложив все диванные подушки друг на друга. Восседаая на этих подушках (когда я ее увидела, мне почему-то сразу вспомнился отрывок из фильма «Джентльмены удачи», в котором Евгений Леонов впервые встретился в тюрьме со своими сокамерниками), моя дочь произнесла почти предвыборную депутатскую программу нашей будущей жизни. Она заявила, что у нее все рассчитано и что все должно идти по плану. Разумеется, по ее плану. И дальше, загибая ловко свои пальчики, мне было объявлено, что я должна завтра купить ей мобильный телефон, послезавтра я должна буду ей купить компьютер. Еще ей нужно много конфет, сладостей, «лизунов», и что нам скоро пора будет ехать в Египет. Моя дочь уверенно произнесла свою речь и нельзя сказать, чтобы эта предвыборная депутатская программа меня не ошарашила. Я едва сдержала то ли смех, то ли слезы, и единственное, что я позволила себе сделать, так это с огромной силой выдернуть из-под нее самую нижнюю подушку. Дочка полетела на пол кувырком. Оказавшись на полу, она растерянно смотрела на меня и в это время я произнесла: «Так вот зачем тебе нужна была мама? А я думала, что мы нужны друг другу, чтобы любить и помогать». Потом я как можно более спокойным голосом сказала, что иду на кухню готовить ужин и прошу ее подумать, зачем ей нужна я, то есть мама.

— Мама, а что такое «ежовые» рукавицы?

— Это когда строго относятся к человеку и не дают ему делать что-то беззаботное или дурацкое? А где ты услышала такое выражение?

— В детдоме.

— Мама, а как понять «держат в черном теле»?

— В черном теле? Может быть, это не кормить сладким и вообще довольствоваться малым, только самым необходимым, не позволять излишеств и не стремиться к удовольствиям?

— А ты собираешься меня держать в «черном теле»?

— Я собираюсь относиться к деньгам и вещам бережно и покупать только то, что нужно. Сладости и фрукты лично мне нужны. И тебе они тоже нравятся. А всякие чупа-чупсы и чипсы мне не нужны и мне все равно, нравятся они тебе или нет. Их я покупать не намерена! А ты как думаешь, что такое «черное тело»?

— Мне девочка одна рассказывала в детском доме, но я забыла.

— Мама, а когда ты меня начнешь бить?

— А что, я должна тебя бить?

— Нам в детдоме много раз говорили, что если мы будем себя плохо вести, то нас будут бить.

— А хорошо вести себя не пробовала?

— Нет, мне интересно, как ты меня будешь бить? По лицу? Как моя прошлая мама?

— А что, если я не буду тебя бить, я не смогу стать твоей настоящей мамой? Если честно, мне не нравится, что ты всячески стараешься нарваться на грубость. Скажи, я выгляжу как грубая женщина?

— Нет, ты у меня очень умная!

— Тогда зачем мне тебя бить?

— А как же тогда? Я ведь плохо себя веду, да?

— Да, иногда ты злобное существо и тебя хочется придушить. А иногда ты слон, топающий и орущий. Но иногда ты добрая и отзывчивая. А еще ты очень смышленная!

— Да, я ужасно топаю!

— И еще ты здорово решаешь головоломки!

Телевизор, враг мой

Откуда я узнала о жестоком обращении с детьми из детского дома? Я знаю о том, что происходит по телевизору не потому, что я лично смотрю телевизор. Нет. Лично я телевизор не смотрю вообще. Новости я узнаю по Интернету, которому тоже доверяю все меньше и меньше. Так вот, не проходило и недели, чтобы мне в тревоге не звонила моя мама или подруга и рассказывала очередную телевизионную жуткую историю о том, какой кошмар произошел с очередным детдомовским ребенком. Когда ты лично не погружаешься в проблемы воспитания приемных детей, тебе не кажется, что передач по тематике детских домов много. Но похоже, что эта тема на ТВ прописалась. И прописалась уродливо. Потому что в тревоге и беспокойстве нет ничего доброго, ценного и действительно полезного. Если в задачу «людей из телевизора» входит превращение нормальных людей в невротиков, то им это удается слишком хорошо. Но лично мне неприятна сама мысль о том, что «важные» персоны обсуждают людские беды. Не потому, что они в них не разбираются. А потому что они в них в принципе не собираются разбираться. Впрочем, это на их совести. А я как могла, так и снимала тревожное состояние и без того беспокойных дней моих близких и родных. Поверьте, телевизионные страхи слабее реальных во сто крат. Потому что они быстро забываются, как плохой сон. Но реальные страхи остаются и ждут своего часа, чтобы захватить твое сердце.

Поглотитель времени

Я очень хорошо понимаю тех родителей, которые облегченно вздыхают после того, когда их дети усаживаются за телевизор. Наконец-то, думает мама, я по-настоящему отдохну от шума игр и бесконечной возни и вопросов. Какое-то время и я наслаждалась этим моментом. Но телевизор оказался бесплатным сыром в мышеловке. Потому что моя дочь, как только в ее руки попадал пульт от телевизора, полностью, с головой уходила в него. А включала она телевизор при каждой якобы свободной минутке. Например, мы пришли домой. Я переодеваюсь и иду на кухню готовить обед. Через полчаса я зову свою дочку обедать, а от нее ни слуху, ни духу. Я иду лично к ней в комнату и что же я там вижу. Моя доченька сидит в наполовину снятых горнолыжных штанах и смотрит телевизор. Моя дочь даже не переоделась еще. Свитер валяется на полу. Я подхожу и прошу дочь переодеться, так как обед готов. Она автоматически отвечает, что обязательно, вот только досмотрит мультики. Я стою напротив нее, а она просит меня отойти, так как я загораживаю ей экран. Все мои уговоры про стынувший обед натываются на плотную стенку и обещания. В конце концов, мне надоедает быть незадачливым конкурентом мультиков и я выключаю телевизор, чем вызываю море якобы справедливого гнева. С горем пополам дочь выполняет мою просьбу и начинает переодеваться, идет мыть руки, садится за стол. А в ее глазах и всем внешнем виде сквозит недовольство мной, тем, что я ее оторвала от любимого дела. Под таким «соусом» из раздражения и злости любой обед будет «неинтересным».

Спустя какое-то время я завела с дочерью разговор, что я не хочу конкурировать за ее внимание с мультиками и бесконечными рекламными сериалами. По телевизору всегда найдется, что смотреть. Дочь у меня одна. И я у нее одна. А получается, что между нами стоит пресловутый телевизор! Моя дочь не вникала в проблемы, которые я с ней пыталась обсудить. И в один прекрасный день, поверьте, этот день был прекрасен не столько тем, что небо было голубое, а тем, что я решилась выключить телевизор на всю неделю. Я вынула штекер из гнезда на задней панели телевизора и объявила своей дочери, что с сегодняшнего понедельника моя дочь не будет иметь возможности включить телевизор. Я заявила, что шнур от телевизора моя дочь получит в субботу утром. И на все выходные. А утром в следующий понедельник я опять увезу шнур на работу, где с этого момента он будет «жить» в течение всех рабочих

недель.

Как ни странно, но дочь восприняла мои условия спокойно, без истерик. Первая же неделя прошла без телевизора очень душевно. Теперь после завтрака моя дочь спокойно сидела за столом, и мы могли повторить выученный стих, разыграть диалог на английском языке. Потом моя дочь стала более внимательно собирать в школу свой портфель. Дневник от красных записей постепенно пустел, как деревья осенью от листьев. Такое было ощущение, что появилось огромное количество времени для творчества и общения. У нас появилась традиция после ужина играть в шашки. Мы с удовольствием под песни «Нашего радио» собирали полуторатысячные пазлы. Причем, у моей дочери даже не было импульса, чтобы посмотреть в сторону рядом стоящего телевизора и не зануть про то, что может я смогу дать ей шнур хотя бы на сегодняшний вечер. Я думаю, что знание о том, что шнуры от наших телевизоров находятся не дома, а на работе, сыграло положительную роль. К тому же, моя дочь смогла быстро успокоиться, так как убедилась в том, что в нашей квартире шнуров нет. Она перевернула всю квартиру, но ее поиски не дали результатов. А как говорится, на нет и суда нет! Так что в течение недели мы жили в трудах и творчестве.

Я всячески поощряла усердные рукодельные занятия: накупила бисера, красок, тканей и много еще милых вещиц для вышивания. Через какое-то время дочь призналась мне, что телевизор затмевал ее внимание и расхищал ее время, которого и так было не много: занятия по флейте и сольфеджио, тренировки по большому теннису не оставляли нам много времени на домашнее творчество. Но такое идиллическое настроение у нас возникло далеко не сразу. И мы очень рады тому, что оно у нас есть сейчас.

Проснувшись утром
Дочь примеряет роли.
То змеи-гадюки,
То труженицы-белки.
Еще не доросла до себя!

Жизнь как чаша весов, полная слез

Я иногда задумывалась, что означает выражение «жизнь как полная чаша». Понятно, что люди хотят, чтобы было много всего в жизни в смысле материального достатка и благополучия. Но если одна чаша полная, то противоположная чаша пустая?! И никаких колебаний весов не происходит. Все в максимальной противоположности друг от друга. Моя же жизнь в этот период представляла собой именно колебание чаши весов то в одну сторону, то в другую. Весы как будто не могли утихомириться, принять какое-то определенное положение чаш. Пусть положение будет неравным, где-то больше, где-то меньше, но оно должно быть стабильным. И именно стабильным оно не желало становиться ни за что! Это лишало мою жизнь всякого спокойствия.

Домашняя жизнь моей дочери была беспокойной, импульсивной, агрессивной, громкой, плачущей, в общем, очень разной. Таковой становилась и моя жизнь, поскольку малейшие колебания приводили к взрыву. Эмоциональному взрыву. И единственным, что позволяло чаше весов просто раскачиваться, нежно и непринужденно, было эмоциональное сопереживание этих эмоциональных взрывов. К ним нельзя было подготовиться. Потому как нельзя было даже подумать, что совместный просмотр таких мультиков, как «Бэмби», «Спирит» или «Вольт» приведет к безостановочным рыданиям. Я могла только плакать вместе с дочкой. Пока все ее слезы не иссякали, а силы нас не покидали. Я только могла надеяться, что рано или поздно такое состояние приведет к катарсису.

Молчи, несчастная!

Через некоторое время я стала специально рыдать громче своей дочери. Я выделявала своим громким от природы голосом такие душераздирающие звуки, что моя дочь была в шоке. Это случилось, когда я почувствовала, что дочь уже не хочет рыдать, но сама себя не отпускает и как бы цепляется на свое нытье. Тогда я стала намеренно передразнивать ее. Поначалу, это приводило ее в бешенство. Но я упорно раз от раза «зеркалила» ее фальшивые завывания, намеренно доводила их до фарса и позерства. Я научилась отличать искреннее плакание от демонстративного завывания. Первому состоянию я сопереживала и всячески пыталась его поддерживать нежностью, пониманием, ласковыми словами. Со вторым боролась поистине актерскими методами, гиперболизируя завывания и стенания, превращая их в жуткий и отвратительный спектакль. Я хотела, чтобы моей дочери самой стало тошно и противно от такого фальшивого плакания.

В результате я научила свою дочь плакать тихонько, почти молча роняя слезы. Я не позволяла своей дочери во время рыданий заниматься самосожалением и на все стенания, как же ей не повезло в жизни, и как ее незаслуженно обидели, я тихо говорила «Молчи, несчастная!». Я не помню точно, откуда, из какого фильма я взяла эту фразу, но она как нельзя кстати действовала на мою дочь в нужном направлении. Завывания и стенания достаточно быстро, всего за год, превратились в тихую грусть и печаль, которую мы переживали как что-то нужное и неизбежное.

Камень холодит
И успокаивает слезы.
Когда я вырасту
Из слез уйду в молчание.
И буду греться на песке!

Великую силу искусства мы благодарим постоянно. Она не только лечит глубокие раны, она дает возможность душе пройти колебания чаши весов. Колебания без надежды на остановку. Дорогие родители, смотрите вместе мультики, фильмы, которые вам позволят испытать совместное переживание и это будет таким мощным воспитательным процессом, что любая фальшь отстанет от вашего ребенка. А то, что фальшивых плакс полно на

белом свете и без детских домов, я знаю определенно.

Возрастной регресс

Регресс был ожидаем. Я не знала, как и когда, но я знала, что моя дочь будет регрессировать. Еще бы! Одиннадцатилетняя девочка приезжает в совершенно незнакомый город с незнакомой тетей, которая является единственным проводником в ее новой жизни. Испугается кто угодно. Поэтому самый удобный способ начать осваивать пространство — стать маленькой! Все маленькие детки ничего не знают об окружающем их мире. И они без какого-либо понимания его осваивают, в первую очередь, физически, а уж потом эмоционально и интеллектуально. Поэтому моя дочка стала лазить по нашей квартире на четвереньках и чувствовала себя комфортно, даже порой радостно. Ходить моя дочь резко отказывалась. Даже на кухне, чтобы сесть за стол, она сначала вползала под стол, и только потом переползала с пола на кресло.

Проблему возрастного регресса я не считала чем-то сложным. И меня не шокировало ползание моей дочери исключительно на четвереньках. Но меня пугало то обстоятельство, что моя дочь в день по двадцать раз произносила такое слово как «плохая». Шнурок на кроссовке развязался — «плохая». Мыло убежало из рук — «плохая». Тетрадка не находится — «плохая». Я прошу читать — «плохая». На завтрак манная каша — «плохая». Короче, ничего хорошего! Если что-то не так или что-то дочурка не может сделать сразу или если она это не любит, а не любит она все, чего не знает и чего никогда не пробовала — все это тут же приобретает статус «плохая». Причем, независимо от одушевленности и пола. На все моя дочь реагировала одним словом, сопровождая его надутием губ, сдвиганием бровей, злым взглядом из-под лба, уползанием под стол хоть компьютерный, хоть обеденный, зарыванием в подушки. Рано или поздно накопление плохого настроения за счет реакции «плохая» заканчивалось слезами и истерикой. И такая ситуация, когда в подростковом теле двенадцатилетней девочки жило маленькое, несоразмерное ее годам, детское «Я», меня изводила больше всего. По сути, моя доченька была маленькой девочкой с удивительно большим телом.

Сначала я пробовала дочке объяснить, что шнурки никакие не «плохие», что они просто шнурки, которые нужны для того, чтобы кроссовок не слетал с ноги, и чтобы моя доченька могла в них быстро бегать или ловко прыгать. Я объясняла, что мыло не может быть «плохим», что оно само по себе скользкое и что даже есть такая загадка: «Ускользает как живое, но не выпущу его я, дело ясное вполне — пусть отмоет руки мне». Моя дочь внимательно слушала загадки, так как она их любила. Еще моя дочь очень любила стихи, поэтому с манной кашей я справилась с помощью песенки Вероники Долиной и рассказа Драгунского «Все тайное становится явным» о том, как мальчик выкинул манную кашу в окно и она упала на фуражку милиционеру.

Надо сказать, что мои объяснения принимались только в форме сказок, басенок или рассказов от лица тех предметов, которые моя дочь усердно обзывала «плохими». Я никогда в жизни не придумывала столько историй на тему того, что думают шнурки, тетрадки и кружки о том, как с ними обращается такая замечательная девочка — моя дочь. И, уж конечно, мне пришлось стать главным действующим лицом в рассказах о себе самой. Все же творчество — это потрясающий вирус! Если поселится, то

надолго! И этого времени нам было достаточно лишь для того, чтобы нам самим стало весело и нескучно. Мы гуляли и сочиняли рассказы и стишки, а реакция «плохая» приобретала все больше оттенки равнодушного автоматизма. Уже брови реже хмурились, губы не так сильно кривились, а тельце пряталось, но частями.

Однако, от автоматизма избавиться за один раз невозможно. Как только я почувствовала, что слово «плохая» выскакивает без примеси злобы, сердитости или агрессии, я вообще перестала обращать на него внимание.

У кротона сильные листья

Мне хотелось своей дочери купить растение, чтобы она могла ухаживать за ним и вместе с ним расти. Поскольку моей дочери скоро исполнялось 12 лет и, на мой взгляд, это уже достаточно осмысленный возраст, мой выбор пал на растение под названием кротон. Я выбрала в магазине самое сильное по ощущениям деревце. У него были большие разноцветные листья: от желтого до зеленого и от розового до свекольного. Его резные листья были красиво очерчены каймой и внутри были четкие прожилки. А еще у выбранного мной кротона было много маленьких, только-только появившихся на свет маленьких листочков, которые вполне соответствовали маленькому «Я» моей взрослеющей дочурки.

Я принесла кротон и определила ему местечко на подоконнике у компьютерного стола, за которым делала уроки и мои задания дочь. Надо сказать, что никаких детских восторгов не последовало — дочь просто не заметила новое растение в своей комнате. И мне пришлось обратить ее внимание на сильные листья с четкой структурой прожилок, на разные цвета, которые гармонично сочетаются на одном растении, и на маленькие растущие листочки. Если честно, то я очень надеялась на то, что моя дочь возьмет под свое крылышко это удивительное растение. Но мои надежды были напрасными. Как и многое другое. Моя дочь видимо сама еще нуждалась в опеке и не была настолько самостоятельна, чтобы взять под опеку что-нибудь живое. Хотя разговоров о щенке ходило много и просьб о котенке не меньше. Это при том, что с нами жила потрясающая кошка Тигра.

А к кротону я навещала в гости. Я любовалась тем, как раскрываются его листочки. Я протирала его большие резные листья. Я поливала его и приговаривала хорошие слова. Все это я делала в присутствии своей дочери. Иногда она с удовольствием принимала участие в делах по уходу за нашим кротоном. А иногда была увлечена чем-то своим и только поглядывала издали за моими действиями. Так или иначе, кротон и до сих пор остался нашим цветком и не перешел под «юрисдикцию» моей дочери, хотя и живет на ее подоконнике.

Искусственный мир

Иногда взрослый человек становится жертвой своих же заблуждений, которые ни на чем конкретном не основаны. Одно сплошное вымышленное предположение. Почему-то бытует устойчивое мнение о том, что если человек долгое время был обделен лаской и вниманием, не был окружен заботой и теплотой, то у него эта потребность обязательно должна реализоваться в обратном действии. Имеется в виду, что этот обделенный заботой человек будет с упоением ухаживать за кем-то или за чем-то другим, нуждающимся в его внимании и уходе, потому что он по себе знает, как это плохо, когда тебя бросили или тебе не уделяют внимание другие.

На моем опыте эти вещи оказались не связаны друг с другом. Более того, я убедилась, что обделенный заботой человек даже понятия не имеет не только о том, как ухаживать за другими, но и как проявляется человеческая забота в принципе. Откуда возьмется желание сделать что-то хорошее для другого человека? Какой уровень заботы нужен тому или иному живому существу? Как помнить о том, что рядом с тобой находится целый мир, за которым нужно ухаживать? И когда это делать? Все эти вопросы получают свои достойные ответы лишь с опытом.

Мы живем в очень искусственном, а порой и вымышленном мире. Мы не топим печь или не разводим огонь в камине, чтобы согреться. Мы живем в квартирах, а не в домах. Мы не сажаем растения и деревья вокруг многоэтажных домов, потому что это пространство мы не считаем своим. Мир, в котором мы живем, намного искусственнее, чем мы сами о нем думаем. Если мы вообще думаем. Поэтому и опыт ухода, заботы тоже совершенно неестественный. Наш опыт является опытом искусственного, скорее насажденного происхождения. Безусловно, мир вокруг нас меняется. Появляются новые образы жизни, новые строительные материалы, новые истории. Но отношения между людьми не становятся теплее, добрее, милосерднее. Потому что для нас неестественным становится забота о ближних своих так же, как и о братьях меньших своих. Потому что нужно сотню раз напомнить ребенку о том или ином действии, чтобы это действие смогло войти не просто в выработанную годами привычку, а в интересную потребность окружать себя растениями, животными, рыбками!

На все нужна внутренняя энергия, которая осознанно выделяется самим человеком, потому что только тогда это является осмысленным действием. Состоятельные люди

предпочитают покупать данную энергию в виде услуг по уходу за аквариумами, выгулу собак и т. п. Но от этого потребности делать окружающий мир добрым, отзывчивым, чувствительным не возникает и в принципе возникнуть не может. А профессиональные услуги по уходу, заботе о живых и неживых с каждым годом становятся все более востребованными и все более высокооплачиваемыми. С одной стороны, люди в искусственном мире нуждаются в теплоте и внимании. С другой стороны, они все меньше учатся сами заботиться и все меньше наставляют и учат своих потомков заботиться о том мире, в котором они живут сейчас и будут жить дальше.

«Учитесь на кошках»

Знаменитая фраза «Бывалого» «Учитесь на кошках» не случайна для советского периода. Как научить ребенка тактичности, самостоятельности, своевременности, нежности, терпеливости и многому другому? Как воспитать в ребенке «золотой» характер, чтобы он мог и свои интересы реализовать, и интересы других людей учитывать, чтобы легко было сотрудничать, взаимодействовать, понимать других людей? «Учитесь на кошках» — это очень осмысленный совет, если к нему относиться серьезно. Наш мир превращается в искусство развлечения, в котором нет места живой естественной природе. Скорее мы стремимся к экзотике Красного моря, к содержанию совершенно не свойственных нашему климату редких животных, чем к обычному, но ежедневному проявлению любви и тепла ко всему, что нас окружает.

Пока никакой осмысленности в действиях моей дочери не видится. Она после напоминания может полить кротон, убрать за нашей кошкой Тигрой туалет. Но самостоятельно моя дочь этого не сделает, даже если кошка будет просить мою дочь обратить внимание на ее горшок! Даже если на глазах моей дочери будут падать один за другим листья кротона, ей не придет в голову его полить. Эти вещи связываются в сознании каким-то естественным чудом, называемым душевным воспитанием, откликом души. Либо ребенок откликается на потребности живых существ и удерживает сознательно в своем внимании их мир, либо мы, родители, обречены сотни раз напоминать своим детям о том или ином необходимом действии. А выполняют ли они нашу просьбу через несколько лет? Лично я не уверена.

Когда ребенок становится взрослым

Давным-давно я прочитала один фантастический рассказ, который меня очень удивил и продвинул. В нем люди с планеты Земля прилетели на другую планету. И инопланетяне их посадили в клетку. Люди возмущались нечеловеческим отношением к ним. Потом, как оказалось, и в клетке можно жить. Люди жили в клетке, а инопланетяне за ними наблюдали. И в один из дней этой самой жизни в клетке люди поймали мышку. И что они сделали? Они соорудили клетку и посадили в нее мышку. И тут же были выпущены на волю инопланетянами, так как люди этим действием доказали свою разумность другой инопланетной расе.

Я думаю, что родители и дети — это разные расы, как в этом фантастическом рассказе. А воспитание — это процесс не только пассивного наблюдения, но и период активного создания ситуаций различной сложности. Дети живут в клетке, а родители наблюдают, как их дети справляются с жизненными ситуациями. Что такого должны сделать их дети, чтобы родители осознали, что их родные дети повзрослели, выросли? Какое действие детей в клетке должно продемонстрировать родителям, что они готовы к вольной жизни и что пора их выпускать на свободу?

Лично для меня доказательством взрослости является ответственность. Пока мой ребенок на мои вопросы отвечает в разных ситуациях «Не знаю», «Это не я», «Плохая», «Я ничего такого не делала», «Мне все равно!», «Ну и что?», «А что здесь такого?» и т. п., я, как родитель, не подготовила своего ребенка ко взрослости, я не смогла организовать в его жизни такие ситуации, в которых мой ребенок смог бы научиться взять ответственность и признаться, что именно он, а не кто-то другой, в этой ситуации схалтурил, солгал или просто забыл. И хотим мы того или нет, но именно забота и ответственность являются мерилom взрослости и ключом к свободе ребенка от родительской опеки.

Пока мы должны с моей дочуркой пройти огромное количество ситуаций на пути выращивания ее детского, маленького «Я» во взрослеющем теле. Но как говорится, правильно поставленный вопрос приводит к правильному ответу.

Полоса препятствий

Обнаружилась неплохая физическая форма. Все-таки, ползать на четырех точках быстро и шустро не каждому дано. Потому что не каждый ребенок Тарзан. Моя дочь мне напоминала хорошо тренированную обезьянку. Она за все цеплялась и передвигалась немного боком. Когда в школе за ней закрепилась эта кличка — обезьянка — моя дочь обиделась.

Надо сказать, что осваивать школу мы начали с около школьного пространства. А именно, с единой полосы препятствий, которая была построена на школьном стадионе. Дочь очень хотела научиться ее проходить, особенно, разрушенный мост и лестницу. У меня глаза закрывались сами собой от страха, когда дочь лезла на тонкие бревна, да еще и перепрыгивала с одного бревна на другое через приличное расстояние и на приличной высоте. Каждый раз, когда мы проходили мимо, моя дочь спрашивала у меня разрешение пройти полосу «докуда смогу». И каждый раз, замирая сердцем, я разрешала, приготовившись ее ловить или как-то поддерживать при возможном падении. Но она отлично научилась проходить полосу: и лабиринт, и мост, и барьер, и окно. Загвоздка была только в лестнице. Руки были слабоваты: она висела на перекладине и любая попытка одной рукой ухватиться за другую, следующую перекладину, приводила к срыву. Дочь потирала руки и говорила: «Ничего, ничего, вот завтра я тебе задам!».

Как правило, после школы многие дети «застревают» на школьном стадионе, чтобы погонять мяч, полазить, побегать, повисеть, в общем размяться после сидения за партой. Моя дочь очень внимательно смотрела, кто как лазит. И один мальчик ей показал, как проходить лестницу. Мальчик раскачивался всем телом. И это ему помогало дотягиваться одной рукой до следующей перекладины. Моя дочь быстро освоила эту технику и ловко прошла пять или шесть перекладин сразу. Это была победа. С одной стороны.

А с другой стороны, такая жажда спортивных достижений сильно отдаляла ее от девочек в классе. И поскольку моя дочь вообще не была похожа на девчоночью половину класса, а к мальчикам она относилась изначально с изрядной долей презрения, то в классе ей было действительно одиноко и страшно. А тут еще и такая кличка за ней закрепилась «обезьянка». Для ученицы четвертого класса это была слишком детская кличка и напоминала скорее детский садик, чем школу.

Дочь сильно переживала по этому поводу и каждый раз, когда

мы после школы ловко и шустро проходили полосу препятствий, мы с ней обсуждали, что такое прозвище скорее всего обозначает ее преимущество. Ничем другим из учебного школьного образа жизни мы похвастаться не могли. А после того, как несколько человек похвалили мою дочь за ловкость в прохождении лестницы на спортивной площадке, моя дочь, наконец-то, расслабилась и перестала обижаться на прозвище «обезьянка». И, конечно, очень скоро ее перестали так называть.

Мы с дочкой много занимались физическими упражнениями. Для того, чтобы хоть как-то укрепить вестибулярный аппарат, мы крутились на круге, стояли на одной ноге с закрытыми глазами, висели вниз головой. Для того, чтобы сформировать внутреннюю уверенность в себе, мы отмечали позитивную динамику успехов именно в прохождении лестницы и всей полосы препятствий в целом. Мы каждые выходные ходили на плотину, в детский городок, везде, где были в городе установлены более или менее сложные металлоконструкции и там занимались. За полгода моя дочь окрепла физически, выросла на 10 см и поверила в свои способности. И ее маленькое «Я» подросло.

Огромную роль в преодолении возрастного регресса сыграли головоломки. Надо сказать, что у меня, как у детского психолога, было создано лично мною много разрезных головоломок, которые моя дочь собирала почти маниакально. Было очевидно, насколько за все прошлые годы моя дочь истосковалась по интеллектуальным задачкам. Если ребенок не умеет и поэтому не любит читать, то ему становятся недоступны многие интересные задачки, ребусы, загадки, задания.

Но для того, чтобы у своей дочери сформировать, а потом и развить такие умения, как чтение и грамотное письмо, требовалось достаточно большое количество времени. С головоломками же все было просто: в них читать не нужно. Поэтому я и остановилась именно на решении головоломок. И здесь особую роль сыграли головоломки Красноухова. А когда моя дочь сложнейшую головоломку «Золотая цепь» собрала за пол минуты, мы обе были счастливы.

Речевой регресс

Успешное решение головоломок и укрепление духа с помощью физических упражнений помогли нам справиться с возрастным регрессом. Но только не со словесным. У меня было такое ощущение, что аудиальное развитие моей дочери застряло на этапе ее общения со своей родной бабушкой, то есть, на двухлетнем возрасте. Именно с этого возраста мы и начали свое продвижение по линии времени.

Мы с дочкой договорились, что всю неделю дома (наши договоренности не касались школы, в которую надо было ходить независимо от наших намерений) моя дочь будет разговаривать как двухлетняя девочка. И я с ней стремилась разговаривать именно как с маленькой девочкой. Я надеялась, что моей дочке самой надоест сюсюканье и возня вокруг нее. Но я крепко ошибалась. Моя дочь получала огромное наслаждение, когда говорила как маленькая и когда я к ней обращалась, как к маленькой девочке. Все домашние заботы легли полностью на меня. Я не могла попросить свою девочку почитать, я могла только сама читать ей сказки, детские стишки, петь песенки.

Иногда я просила свою дочку петь. Она это делала с удовольствием. Оказалось, что она знает много песен. Однако репертуар этих песен был детдомовский. От «Жил на поляне розовый слон» до «Ведь так не бывает на свете, чтобы без мам росли дети». На этом фоне особо выделялась песня про дельфина. Почти каждый день моя дочь, как нищенка в метро, жалобным детским голоском пела мне о том, как у дельфиненка умерла мамочка. При этом, эмоциональное состояние моей дочери были близко к радостному, почти эйфорийному. Она радовалась жалобности и плакучести самой песенки и во все глаза смотрела, какой ужасающий эффект ее песенка производила на окружающих. Это меня бесило больше всего! Моя дочь буквально доводила меня и моих друзей этой песней.

Так проходила неделя за неделей. Вот моей дочке уже 3 годика. А вот она выросла и ей уже 5 лет. Я показывала своей дочке мои детские фотографии, где мне было 5 лет, чтобы она хотя бы понимала наглядно, о каком возрасте идет речь и что может в таком возрасте ребенок, а чего еще не может. А песня о гибели матери дельфиненка все пелась и пелась.

На седьмом году жизни (мы с дочерью договорились, что теперь будем за неделю преодолевать по два года жизни) я взбунтовалась и предложила своей «первокласснице» на выбор: либо поставить песню под запрет, либо переписать ее слова и

пусть мама найдется. Дочь сказала, что перепишет слова. И как-то раз она пропела мне на этот же жуткий мотивчик песню про дельфиненка, у которого мама нашлась! Это было самое великое достижение за первые полгода нашей общей жизни. Больше моя дочь не пыталась петь эту песню дома. Но на летних каникулах в туристическом лагере она «порадовала» у костра всех детишек и взрослых своей песенкой. Об этом событии мне рассказала руководитель лагеря. Видимо, в незнакомой обстановке моя дочь не могла себе отказать в удовольствии смутить всех нормальных детей и взрослых этой шокирующей подробностями слезоточивой песней.

Как только нам исполнилось «семь лет», я взялась за прохождение школьной программы. Мы все начинали с первого класса и параллельно со школьной программой четвертого класса проходили дома программу первого, а потом второго и третьего классов по русскому языку. С математикой дело обстояло не так плохо, и я сконцентрировалась на грамотном письме и чтении. Как я уже отмечала, школьные навыки сформированы не были. Моя дочь писала левой рукой. Почерк был невыносимо коряв. При подобном нарушении эмоционально-волевой сферы какой еще может быть почерк?!

Однако, сложности были не только в том, что моя дочь писала буквы некрасиво. Одна из важных проблем была связана с отсутствием внутреннего контроля в принципе: как визуального, так аудиального и кинестетического. Если моей дочери нужно было написать слово из трех букв, то она могла его написать некрасиво, но было понятно, что это за слово. Если в слове было больше трех букв, то слова не было вообще. Был набор непонятных букв. Таким образом, я понимала, что, во-первых, речевое отставание в развитие основано на отсутствии внутренней речи, с помощью которой ребенок не только сам себе диктует слово по буквам или по слогам, контролируя свое письмо, но и в принципе осуществляет самоконтроль и самоподдержку.

Во-вторых, связь между визуальной, аудиальной и кинестетической системами восприятия не была сформирована, т. е. руки писали сами по себе, глаза во время письма непонятно чем занимались и на что смотрели, а ее уши и рот тоже не помогали рукам писать.

В-третьих, проблема усугублялась сильнейшим зажимом в области горла, из-за чего затруднялось и формирование навыков чтения, и сама речь. Например, у моей дочери была очень хорошая аудиальная память. Но даже выучив наизусть стих, она не могла его рассказать на положительную оценку, так как она

постоянно запинаясь, сглатывала и поэтому делала огромные паузы, которые не позволяли ее стиху звучать как именно стиху: никакой поэзии в таком говорении не было.

С сюсюканием и коверканием слов мы едва справились. Но на возрасте первоклассницы мы и остановились. Влипли мы крепко. И я поняла, что начинать надо вообще с азов — с дыхания: пока мы не уберем ком обиды в горле, моя дочь не сможет нормально говорить и читать. А пока она не может говорить без сбоев, она не сможет писать грамотно. Поэтому школьные трудности я также разделила на части и каждую часть обеспечила своими правилами жизни.

Этапы преодоления речевого регресса: дыхание

Итак, мы стали заниматься дыхательными практиками. В принципе, многие даже взрослые люди дышат таким образом, что при вдохе живот втягивается, а при выдохе наполняется. Конечно, правильное дыхание предполагает все с точностью до наоборот: при вдохе живот расширяется и наполняется воздухом, а при выдохе он втягивается. У моей дочери вдох был коротким, плечи поднимались и зажимали горло. Воздух застревал на уровне горла и до живота вообще не доходил. Следовательно, живот в дыхании не участвовал. При таком коротком вдохе в принципе говорить длительно и гладко невозможно. Поэтому речь ее была прерывиста, звуки не дотягивались, равно как и не договаривались и даже не допевались. Усиленный нажим на первые слоги и проглоченные последние слоги (окончания слов) — данная техника речи, чтения, пения кочевала от слова к слову. Естественно, такая внешняя речь не могла сформировать ни работу над каждым словом при письме, ни нормальное согласование падежей, окончаний и т. п.

После первых же занятий, я поняла, что занятия дыхательными практиками зависли в воздухе. Моя дочь первый вдох делала правильно, но уже на втором вдохе плечи опять поднимались и дыхание глубже не проходило, а живот, как полагается при вдохе, не наполнялся воздухом. Дело в том, что ребенку трудно действовать только из одного абстрактного понимания, что дышать надо правильно. Нужно было найти поверх «надо» интересный смысл правильного действия.

«Ах, флейта, флейта — продолжение горла» (Геннадий Жуков)

Проще говоря, ребенок будет упорно заниматься дыханием для чего-то, скажем, для того, чтобы играть на флейте. И мы стали заниматься дыханием для того, чтобы вытягивать нотки на флейте. Все сразу сдвинулось с плече-горловой стадии дыхания. Наша учительница — молодая девушка — объяснила и показала, как нужно дышать, чтобы флейта звучала и звучала красиво и сильно. Сначала моя доченька тянула нотку на флейте на два счета. Это очень мало. Но мы занимались. Через несколько недель моя дочь вытянула нотку на три счета. При этом я тянула ноту на 12–13 счетов. Мой пример вдохновлял дочь. А то, что мы вдвоем учили нотки и расположение пальчиков на клапанах флейты, вдвоем учились дышать, все это нас радовало и окрыляло. Сама флейта была окутана волшебством. А мы, играющие (это пока громко сказано, просто извлекающие из нее звуки) смотрели друг на друга сияющими глазами, особенно когда звуки получались чистыми в соответствие с октавами.

Этапы преодоления речевого регресса: обида

Параллельно с игрой на флейте мы прорабатывали обидные события из прошлой жизни моей дочери, до которых мы раньше и дотронуться не могли! Чем глубже дышала моя дочь, тем больше «открывалось» горло моей дочери. Чем больше счетов она держала нотку, тем больше удовольствия мы получали от игры на флейте, и тем ранимее и чувствительнее становилось воспоминание ее прошлой жизни. Несмотря на то, что моя любимая «железная агрессорша» стала более ранима, именно в такие минуты моя дочь могла хоть что-то рассказывать о том, что с ней происходило там, в далеком темном прошлом. И если раньше она просто давилась слезами, мычала и гыгыкала, то теперь слезы могли градом катиться по щекам и литься свободно. В такие моменты мы сразу вспоминали о правильном дыхании и смогли научиться сочетать глубокие вдохи и выдохи с градом слез.

Постепенно зажим в области горла уже не так сильно давил на мою дочь и речь, хоть и жутко сбивчивая (окончания по-прежнему глотались, а то и прихватывали всю вторую половину слова), стала возможна!

Доченька к флейте
Губами приникла.
Сосулька упала.
На ладошке растаяла.
Полным вдохом живи.

Проблески правды на пути прощения

Появились первые проблески правды. Если раньше моя дочь ловко придумывала себе прошлое и частенько фантазировала на эту тему, то теперь чаша весов стала колебаться в сторону ее истинных переживаний. Возможно, реально события происходили совсем не так, как рассказывала о них моя дочь. Я это учитывала, но для меня было важнее всего само чувство, само эмоциональное состояние дочки в настоящем времени. Мне было не так важно, хотели люди из прошлого обидеть этого ребенка осознанно или этот ребенок сам обиделся. Важна была только ее реальная обида. И самым главным был путь прощения. Я просила свою дочь простить всех людей, которые ее когда-то обижали. Мы не искали виноватых. Я пресекала любую версию того, что моя дочь была незаслуженно обижена и что все вокруг только и делали, что ей вредили. Я также пресекала разговоры другого плана, из которого мог быть сделан вывод, что моя дочь вела себя плохо и заслужила плохое обращение с ней и что люди правильно делали, что ее били и оставляли одну.

Я изначально не становилась ни на какую сторону этих «обидчивых» баррикад, потому что у меня была своя сторона — это наша настоящая жизнь с дочерью. Я осознанно не впадала в состояние справедливого гнева «как они могли!», хотя удержаться от этого было не просто. Конечно, получаемая информация меня и шокировала, и возмущала, и удивляла, но я стойко решила запретить себе оценку того, что произошло раньше с моей дочерью. Я была твердо убеждена в том, что для нас имеет значение лишь наше настоящее и то, с какой силой чувств моя дочь переживает свою прошлую жизнь. Именно в своих настоящих чувствах я и помогла своей дочери разбираться, смотреть на них, анализировать свое собственное поведение сейчас, а не впадать в злобу и ненависть к тем, кто не имеет сейчас никакого отношения к ее настоящей жизни. Я усердно просила свою дочь простить их. Не сразу, и не всех. А каждого и честно. Мы вместе пересматривали по возможности все болезненные ситуации из прошлой жизни дочери и прощались с ними.

Некоторое время моя дочь хотела на них злиться. Я это не поддерживала. И объясняла, что злость отравляет нашу настоящую с ней жизнь. Я много говорила о том, что у каждого человека своя правда, свой взгляд на то, что происходило давным-давно. И эти правды могут не совпадать. И мнения людей тоже расходятся по одному и тому же вопросу. Я никого не собиралась оправдывать — ни свою дочь, ни тех, кто был с ней

рядом в прошлом. Я защищала наше настоящее как могла. Поэтому я считаю этот период нашей жизни — 4, 5, и 6 месяцы — самым тяжелым: мне приходилось 20 часов в сутки и семь дней в неделю быть психологом, психотерапевтом и лишь несколько часов в неделю на мою долю выпадала счастливая роль матери.

Однако и в этой части чаша весов колебалась и постепенно роль матери меня радовала все чаще и чаще. Пока не осталась роль воскресного психотерапевта. Уж не знаю почему именно воскресный день из прошлого моей дочери вонзился в наше настоящее истериками и агрессией, могу только догадываться. Но воскресенье мы взяли под особое наблюдение и старались как можно больше времени проводить в лесу, на плотине. Благо осень нас баловала, и мы с огромным удовольствием проводили все воскресные дни на природе: собирали грибы, разводили костер, просто сидели у воды, носились как угорелые по узким тропинкам желтеющего на наших глазах леса.

День рождения

Конечно, сам День рождение был не причем. Но вот его ожидание было потрясающе эффективным способом поставить жирную точку в работе над регрессом и вздохнуть с облегчением или, по крайней мере, насладиться заслуженным отдыхом, пусть и недолгим.

Надо сказать, что моя дочь на всех известных мне календарях, живущих в нашей квартире, жирным кружком отметила свой день рождения. Она мне каждый раз напоминала, что скоро будет главный день в ее жизни. Возможно, день рождения был для моей дочери существенным Рубиконом нашего настоящего и ее прошлого, определяющей границей нашего бытия. В ее прошлый день рождения к ней в детский дом никто не пришел. Она ждала и надеялась, что ее вспомнят, что ее поздравят. Но этого не произошло. И памятуя о своей горечи одиночества и брошенности, она все свои силы бросила на то, чтобы ее новый день рождения прошел как-то иначе. Моя дочь не знала, как она бы хотела провести свой новый день рождения. Единственное, что она знала точно, так это то, что она хочет получить в подарок мобильный телефон. На большее у нее не было ни опыта, ни знаний. Моя дочь понятия не имела, сколько нужно будет вложить своих личных усилий, чтобы ее день рождения состоялся интересно и увлекательно.

Приблизительно за месяц до дня рождения я затеяла игру. Игра состояла в том, что как только моя дочь позволяла себе скатываться на детскую речь, я ей в такой же манере говорила: «Моя маленькая, я на День рождения подарю тебе красивый бантик и большую машину скорой помощи. Все дети обожают большие машины». Когда моя дочь в ответ кричала, что она не хочет большую машину, я ей говорила, что тогда ей нужно убедить меня в том, что она уже не маленькая девочка, мечтающая о красивом платьице или бантике!

Каждый раз на коверканье слов я утрированным, родительским голосом рассказывала своей дочурке, что именно она получит в подарок на свой день рождения. А потом мы вместе смеялись. Потому что это действительно стало смешно. И если в первый раз моя дочь жутко рассердилась и бросилась на меня чуть ли не с кулаками, то в десятый раз мы хохотали над «пушистиком» и бантиками минут пять без остановки. Игра меня забавляла, хоть и придумывать каждый раз экспромтом детские подарочки, которые приведут в восторг маленькую девочку, было нелегким занятием. А сыграть это так, чтобы до самого часа

вручения подарка моя дочь не была уверена, что она действительно получит именно мобильный телефон, а не «рюшечки в коробочке», было очень трудно. Мы за этот месяц ожидания существенно улучшили не только свое понимание друг друга, но и явно стали талантливее и чувствительнее в принципе!

Параллельно с игрой мы затеяли настоящую подготовку ко дню рождения. Я попросила свою дочь составить список гостей, чтобы определить количество приглашенных. Сначала моя дочь хотела пригласить просто «всех». Я не стала ее убеждать в том, что наша квартира не выдержит «просто всех». Я попросила свою дочь поговорить с каждым гостем и учесть тот факт, что день рождения приходится на каникулярное время. Список гостей после разговоров с ее знакомыми приблизился к нулю. И дочь расстроенным голосом объявила, что никто из ее подружек во дворе прийти не сможет. Я поняла, что моя дочь готова более серьезно обсуждать приглашение на свой главный день в жизни. Пока существовала стратегия «всех», понятное дело, не могла возникнуть стратегия «некоторых, особо приятных и интересных».

Конечно, нам в каком-то смысле повезло. Я понятия не имею, как бы мы справились со стратегией «всех», если бы ее участницы сами не отказались стать гостями. Мы сделали список детей, с которыми нам было интересно. И даже обсудили, чем именно интересен для нас тот или иной гость. Затем мы обсудили, что было бы интересно вместе сделать, во что играть, что провести. Оказалось, что лучше всего всех позвать в боулинг. Это оказалось сделать очень просто: я случайно увидела объявление. Обратила на него внимание исключительно из-за грамматических ошибок. На красивом глянцевого листа бумаги с современным дизайном в модной салатово-фиолетовой гамме было написано: «Школьно-студенческий тариф». Эти мягкие знаки меня настолько удивили своим несуразным местом нахождения, что я смогла остановиться и прочитать этот текст до конца. А речь в рекламном проспекте шла именно о том, в чем я нуждалась — в тарифе на игру в боулинг. Мне достаточно было позвонить и узнать, что при предъявлении хотя бы одной справки из школы, я заплачу за 1 час игры в боулинг смехотворную сумму. Меня это устраивало. И я заказала две дорожки: детскую и взрослую.

Кроме боулинга, мы очень любили играть в шашки и уголки. Поэтому возникла идея провести турнир. Когда с играми появилась некая определенность, мы приступили к разработке меню главного дня жизни моей дочери. К этому времени моя дочь неплохо справлялась с блинами. Поэтому было решено напечь огромную стопку блинов. И еще очень хотелось пирожков. Поэтому мы накупили слоеного теста и 5 часов к ряду накануне

дня рождения пекли пирожки с разнообразной начинкой.

В свой самый главный день моя дочь встала сама в семь утра и на протяжении нескольких часов пекла блины! Это был ее личный подвиг. Она устала, но была очень довольна. День рождения удался на славу: мы здорово повеселились, как и планировали.

А в понедельник, в первый учебный день второй четверти моя дочь рассказала мне следующее:

— Мама, у нас в классе появились две маленькие девочки.

— У вас новенькие в классе?

— Нет. Просто две мои одноклассницы сегодня говорили, как маленькие.

— Что же они говорили?

— Всякие муси-пуси-глупости. Как в детском саду!

Апрельским воскресеньем на вторую весну нашей жизни моя доченька написала:

«Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой.

— Мама, — говорила она, — я стала муравьишкой!

Имама понимала, что пора укладывать дочь в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой, что свободно помещалась на подушке. И еще место оставалось.

— Вставай! — говорила мама.

— Не могу, — отвечала девочка. Я еще слишком маленькая, как бабочка.

А потом радостно воскликнула:

— Ну, вот я и выросла!

И с веселым криком вскочила с постели. И начала новый солнечный день».

«Не знаю» или Битва за осознание

Задумайтесь, как часто Ваш ребенок употребляет фразу «Не знаю». Не просто произносит в задумчивости о себе. И вовсе не для того, чтобы осознать собственное непонимание. И уж конечно не для того, чтобы узнать или вообще знать! Нет, не в таких случаях. А автоматически на Ваш вопрос о нем. Ребенок даже не ставит местоимение «Я» перед этой фразой. Потому что если бы ребенок сказал: «Я не знаю», он был бы ответственным за свое незнание, за то, с чем не разобрался, на что не обратил внимание, а должен был бы обратить, за свое неумение получать знания о себе, своих поступках, своих чувствах.

Моя дочь почти на каждый мой вопрос о ней торопилась «Не знать». Именно торопилась, как будто если она срочно не выпалит волшебное «не знаю», приоткроется дверь внутрь. Как будто она не может позволить случиться этому открыванию ни при каких обстоятельствах! И она торопилась эту дверь захлопнуть привычным движением языка! Ее «Не знаю» давно стало крепкой и надежной стеной между ней и миром других людей. Автоматическое незнание, как нежелание задуматься, ее очень устраивало. Но оно совершенно не устраивало меня: было в этой программе что-то от робота-манипулятора неприятное. Поскольку ее внутреннее «Я маленькой девочки» постепенно росло и крепло, мне хотелось, чтобы внешнее проявление этого процесса взросления имело продуктивное продолжение в виде ответственности и самостоятельности. А какая может быть самостоятельность с такой непрошибаемой стеной из автоматических «Не знаю»! А к ответственности за свои действия вообще приблизиться невозможно, пока ребенок не будет готов открыто ответить на поставленный вопрос.

Игра в вопросы и ответы

Поскольку за четыре года жизни моей доченьки в детском доме защитная часть сооружения оборонного назначения типа «стенка» образовалась каменная, крепенькая, я решила, что лбом ее проламывать будет достаточно болезненно. Стена дочери ею самой никак не осознавалась и была как частичка кожи, естественной и привычной. А я хотела, чтобы моя дочь хоть как-то сама увидела свою стенку, и уж затем мы бы вместе решили, что с ней делать. Выстроив намерение показать ей ее же стену, я придумала игру в вопросы и ответы. Скажу сразу, игра потребовала от меня определенных усилий.

Утро. Я варю манную кашу. Усердно мешаю ее ложкой, чтобы получилась без комочков. Моя дочурка сидит на диване и задает вопрос:

— А что у нас на завтрак?

— Не знаю, — копируя автоматизм своей дочери, выпаливаю я.

— Мамочка, как это ты не знаешь? — искренне удивляется дочка.

— Я не знаю точно также, как не знаешь ты. Разве ты не видишь, что я делаю?

— Вижу. Ты манную кашу варишь.

— Правильно. Так значит ты знаешь ответ на свой вопрос так же хорошо, как ты сама знаешь и ответы на многие мои вопросы!

Тишина. Только радио-джаз тихонько наигрывает легендарную «Осень в Нью-Йорке». Дочь погрузилась в себя. Думает. Я молчу и радуюсь.

Субботнее утро. Дочь подбегает ко мне и спрашивает:

— Мама, а мы пойдем гулять в детский городок?

— Не знаю, — быстренько отвечаю я.

Дочь отскакивает, ничего не говоря.

Этот же субботний день. Через два часа дочь опять подбегает ко мне и спрашивает:

— Мама, а мы пойдем гулять в детский городок?

— Не знаю, — быстренько отвечаю я.

Дочь надувает губы.

— Мама, почему ты не знаешь, пойдем мы гулять в детский городок или нет?

— Потому что это зависит от тебя.

— Как это от меня? — не понимает дочь.

— Если ты сделала свои уроки и написала то, что я тебе задала, то ты можешь меня пригласить на прогулку. Ты также

можешь сказать мне, что ты сделаешь мое задание на свежую голову после прогулки. Потому что погода замечательная и солнышко нас с тобой зовет! Ты можешь рассказать мне о своих делах, и мы с тобой вместе определим, в какое время нам хотелось бы пойти погулять! Ты все это можешь!

— Мамочка, я сделала все уроки, мне осталось только дописать русский. Пойдем гулять в городок после того, как я допишу русский?

— Конечно, солнышко. Видишь, как все просто, когда ты знаешь!

Игру в вопросы и ответы мы играли каждый день. Каждый день я выманивала свою дочь из-за ее стенки. Как в русской сказке: «Выгляни в окошко, дам тебе горошка». Только лиса хотела украсть петушка, а я хотела, чтобы у моей дочери появился опыт оказываться перед своей стенкой, как преградой между ней и ее интересом. Мне нужно было, чтобы у моей дочери появился опыт выхода в мир через собственными руками построенную стену, а также опыт получения знаний о другом мире. Опыт рассказывания о своих делах тоже был очень важен, потому что без осознания дочкой своих дел ни самостоятельности, ни ответственности не воспитаешь.

Таким образом, на почти все вопросы своей дочери я зеркальным образом копировала ее собственную реакцию. Дочь по-разному реагировала на поставленное прямо перед ней зеркало. Надо сказать, что в принципе моя дочь всячески избегала смотреться в настоящее зеркало. Она могла ходить не расчесанная и все мои уговоры посмотреть на себя хотя бы издали, но в зеркало, не могли ни на шаг приблизить ее к зеркалу.

Конечно, как психолог, я понимала, что избегание зеркального отражения и явное нежелание смотреть на себя как бы со стороны может быть связано с серьезной проблемой неприятия себя в целом. Тем более, что моя дочь была уже в подростковом возрасте. Такие профессиональные рассуждения томились в моем сознании и я думала, что зеркало является частью проблемы автоматического незнания себя. Если ребенок видит себя в зеркало, то он знает себя. Хотя бы частично ребенок может увидеть и цвет своих глаз, и то, как лежат у него волосы на голове, и то, как он одет. Многие «Не знаю» были связаны не только с отказом глубокого осознания своих целей, своих поступков. Многие «Не знаю» банально были связаны с внешним видом дочери, с отказом принимать решение о том, что одеть, как выглядеть в школе, что одевать дома, в каком порядке содержать свои тетрадки, книжки, как убирать свою кровать и еще много вопросов могли наткнуться на ее пресловутое «Не знаю».

Вот уж действительно я не знаю, как бы решилась проблема с зеркалом, если бы мы не занялись зубами. Понятно, что для каждого человека поход к стоматологу не приносит радостных ощущений и почти всегда связан с болью. О зубной боли, сносящей полголовы и не дающей возможность ни уснуть, ни работать, написано много. К стоматологу не ходят без надобности. У моей дочери была насущная необходимость. Росли новые зубы. А частички старых зубов нужно было удалить. Причем, моя дочь все знала, так как ей врач все рассказала, и мотив ехать к стоматологу вроде бы был сформирован. Я пыталась показать своей дочери эти ряды старых и уже не нужных огрызков зубов в небольшом зеркальце, но она грубо его вырывала из моих рук, не желая смотреть на свои зубы. Я понимала серьезность положения, так как считается, что именно зубы тесно связаны с родными, с кровной родней. Поэтому удаление осколков старых зубов для того, чтобы новые росли без проблем, для меня лично имело огромное значение.

У стоматолога был рев, мы упирались до последнего, с боем были вырваны два осколка от разных зубов с одной стороны. А другую сторону оставили на потом, когда успокоится освобожденная сторона. Дочь рыдала всю дорогу, ничего сказать не могла, только выла. Мы еле доехали. Для нее это был сильнейший шок. Я видела, что дочь не притворяется. Я видела, что ей очень больно!

Как только мы зашли домой, дочь тут же помчалась к зеркалу! Настало время удивляться мне самой. Дочь села напротив зеркала, открыла свой рот и стала всматриваться внутрь. Она так сидела очень долго. Дочь вертела головой, пытаясь рассмотреть все закоулки своей полости рта. Потом она буквально легла у зеркала (в моей комнате большое зеркало стояло на полу) и уснула.

Как потом выяснилось, ей первый раз в жизни делали заморозку! Во-первых, моя дочка не могла пошевелить ни языком, ни губами и ей казалось, что такое состояние будет всегда и что все взрослые врут и что вязкость и одеревенелость никогда не пройдут. Во-вторых, она страшно испугалась, что ей вырвали вообще все зубы. Поскольку она почувствовать не могла, и даже языком потрогать тоже не могла, всю дорогу домой она рыдала, потому что была уверена, что теперь у нее зубов во рту нет вовсе. От страха за себя и свои зубы она не могла сказать ни слова. Страх был настолько велик, что перекрыл нежелание смотреть на

себя в зеркало. Моей дочери, возможно впервые в жизни, сильно захотелось знать про себя, про свои зубы не от кого-то другого, а самой, как говорится, воочию убедиться, как там ее рот и ее зубы. И именно это привело ее к зеркалу. Поскольку зеркало дает возможность человеку узнать себя и увидеть изменения, происходящие с ним!

Сон моей дочери у зеркала как будто снял заклятие. Дочь подружилась со своим отражением. И с тех пор она легко и непринужденно подходила к зеркалу, чтобы завязать себе хвостики, чтобы поиграть на флейте, чтобы оценить свой наряд. И многие «не знаю» исчезли вместе с нежеланием видеть себя со стороны.

Спит кошка.

С миром в душе и теле.

Свернулась.

Лишь глаз зеленый приоткрыт.

А я сомкнуть их оба не могу!

Тигра виновата

Тигра — это наша кошка. Необычайно умное и волшебное существо. Неручное, дикое, грациозное, изящное. Так вот. Не было ни дня, когда бы я не мазала зеленкой свою дочурку. Не зря говорят древние люди: «Бог создал кошку, чтобы люди могли гладить тигра». Моя дочь очень любит Тигру. Но это поначалу была любовь зажимающая. А наша Тигра не любит, когда ее лишают свободы передвижения, да еще пытаются прижать или загнать в угол. Она защищалась, как только рука моей дочери оказывалась рядом с ее шкурой. Еще Тигра наказывала мою дочь за ор и повышение голоса. Она просто подходила к орущей дочери и кусала ее. Кусала молча, с пониманием дела. Тигра не любила нарушения тишины. В чем-то я с ней была согласна. Поскольку тишину я тоже уважаю.

— Доча, что это у тебя на руке? — спрашиваю я, приходя вечером с работы домой.

— Не знаю, — сердито бурчит дочь.

«Ага, это „не знаю“ уже не автоматическое, а скрывающее, — думаю про себя я. — Наконец-то появилось эмоциональное „не знаю“!».

— Если ты не знаешь, то мне придется догадываться, что произошло. Ну-ка, покажи руку, я взгляну на нее внимательно.

— Там ничего такого...

Но руку протягивает.

— Я знаю эти две отметины. Они мне знакомы. Тебя покусала Тигра?

— Да, она на меня опять напала, а я только хотела ее погладить!

И моя дочь начинает рассказывать, как Тигра виновата, что ее укусила.

Я иду за зеленкой, мажу укусы и веду беседы с Тигрой. Тигра сидит рядом и смотрит на меня честными глазами.

— Дочка, посмотри на Тигру. Она сидит спокойно и никакой вины за собой не чувствует. Видишь?

— Подумаешь!

— Руки твои, вот ты сама и думай!

Надо сказать, что защитная стена моей дочери складывалась из трех слоев реакций. Первая реакция — автоматическое «Не знаю». Вторая реакция — «Ничего такого». И третья реакция — «Подумаешь». Все три реакции представляли собой убойную силу, непроницаемую стенку. Каждая реакция даже сама по себе была

средоточием равнодушия и «пофигизма», а уж когда все три реакции следовали именно в таком порядке друг за другом, общение с моей дочерью можно было только прекратить. Конечно, можно сказать что-то обидное для нее, оскорбительное или просто фыркнуть. Но это все мне не годилось, потому что никак не улучшало контакт и не проясняло саму ситуацию. Тем более, я была вообще не заинтересована в прекращении общения со своей дочкой. Какое-то время мне приходилось надувать губы и всем своим видом показывать, что я обиделась, что меня ее реакция разозлила. Но моя дочь хорошо себя чувствовала за плотной стеной защиты и ничего видеть и понимать ни про себя, ни про меня даже не собиралась!

Есть у меня башня
Заточена в которой
Взбалмошная дочь!
Приблизиться смогу ли?
Зима мне помогала.

Как же мне одолеть эту стенку? Методы Тигры мне не подходили: у меня не было возможности укусить свою дочь, хотя желания было столько, хоть отбавляй! У меня не было возможности причинить ей физическую боль, поцарапав до крови. Но копить свои обиды и душевную боль тоже было пагубно и для моего здоровья, и для моего настроения. Ведь больно было по-настоящему. Показывай, не показывай, а живые, реальные чувства отменить никак нельзя. Иначе я сама превращусь в такого же автоматического робота, как моя дочь. Хороши же мы будем, два робота, защищающихся друг от друга стенкой из «Не знаю, ничего такого и подумаешь!!!!».

Срочно надо было что-то придумать. Как-то раз, после очередного столкновения со стеной, я со злости пошла и попила водички святой. А потом подумала, а чего это я одна буду ее пить и спасать себя от своей же злости. Надо и мою доченьку «приголубить» святой водицей. Я набрала ковшик воды и совершенно спокойно пошла да и вылила ее на ухмыляющуюся дочь. Прямо на лицо. Молча, без единого слова. Что тут началось! Моя дочь превратилась в злобное существо, настоящую фурию. Она начала буквально биться об пол, хорошо там лежал ворсистый ковер. Она так орала, что я тут же вспомнила все вычитки, которые видела либо в кино, либо наяву. Мысли о бесах меня посетили мгновенно. Я стояла, широко раскрыв рот от удивления, и наблюдала за своей дочкой! Злобное существо мычало и билось об пол. Я побежала и набрала воды еще. Вторая порция святой воды мою дочь успокоила. Она свернулась калачиком. Я не стала ее тревожить и оставила наедине с собой.

Реакция моей дочери на святую воду заставила меня крепко задуматься. Я обсудила на следующий день со своей дочерью влияние воды на ее тело, и мы договорились, что я каждый раз буду выливать на нее святую воду, когда она будет не в себе. И действительно, в следующий раз святая вода сняла агрессивное состояние и оживила мою дочь. Дочь откашливалась и приходила в чувство: видела меня, Тигру, себя. Злобность и ухмылки с ужимками слетали с ее лица мгновенно. Тело расслаблялось. Было время, когда мы все выходные дни проводили только на святой воде. Благо ее у меня после Крещения было много.

Еще мы стали обливаться холодной водой. После горячей ванны я обливала свою дочь: сначала ноги с коленей до щиколоток. Затем руки с локтей до кистей. Затем руки с плеч до кистей. Затем грудь, спину и только потом голову.

Очень помогает юмор. Куда же без него. Там, где можно разозлиться, лучше рассмешить того, кто злит тебя! Этот девиз моей жизни я постаралась передать и своей дочери. Должно же что-то хорошее перениматься ребенком от родителей. Почему бы не юмор? Потому что если родители шутят, то это делает жизненную атмосферу в принципе веселой и радостной. В веселой атмосфере не могут воспитываться дети без чувства юмора. Так что все зависит от самих родителей.

Много плохих слов было сказано нашими критиками об американских мультфильмах. Но в них есть одно неоспоримое преимущество: игротехника юмора. И учились они ей достаточно долго. Потрясающее количество нарисованных героев от великих игротехников типа кролика Бакса Бани, дятла Вуди, собаки Гуффи, мышонка Микки до всемирно известных семейств Флинстоунов, Симпсонов, Гриффинов и т. п. Все это школа юмора, сотрудничества и поддержки друг друга. В этом их неодолимая притягательность и сила. А уж об отдельно стоящих сериалах типа «Футурамы» и «Южного парка» со специфическим юмором понимающих людей можно писать целые интеллектуально-социально-политические трактаты. Те, кто знает наизусть по кадрам «Ежика в тумане» Норштейна ничего плохого не скажет о Диснеевских мультфильмах, да и сравнивать их между собой все равно что сравнивать Луну и Солнце. Но смотреть родителям мультики вместе с детьми просто необходимо. И понимать, над чем смеются их дети в «Симпсонах» или в «Царе горы» тоже необходимо. Многие родители скажут, что они ездят в кинотеатры и там смотрят мультики вместе со своими детьми: «Валли», «Вольт», «Вверх», «Облачно, возможно осадки в виде больших фрикаделек», «Планета 51», «Рождественская история» и многие другие шедевры современной мультипликации и кинематографа. Это замечательно! Но сколько родителей смотрят с детьми «Гриффинов»? А потом обсуждают то, что увидели? Мало. Очень мало. Дела больших и взрослых людей оказываются более насущными, чем ежедневный юмор и понимание жизни. Отсюда и пропасть между поколениями. Отсюда и нет улыбок на лицах больших и взрослых людей.

Щелбаны

Зеркало избавило нас от многих «Не знаю». Игра в вопросы и ответы помогла моей дочери начать думать и знать о себе. Остальным, всем без исключения «Не знаю» был объявлен самый настоящий бой! Мы с дочерью договорились, что за каждое «Не знаю» она получает от меня щелбан. Тем более, что летом моя доченька щелбаны раздавала, как говорится, направо и налево, поэтому я решила, что щелбанами надо и наказывать. Ибо не делай с другими того, чего сам себе не желаешь. Как ни странно, моя дочь согласилась на щелбаны сразу же. И никаких споров на эту тему не заводила. Мне до сих пор кажется, что если бы моя дочь представляла себе масштаб своих «Не знаю», она бы крепко подумала и ни за что бы не согласилась на щелбаны. Свое тело она, как скорпион, любит и очень бережно к нему относится.

Этот договор о щелбанах стал кульминацией нашей битвы за мою дочь. Мне было очень неловко давать щелбаны своей дочери. Это было даже не наказание. Это была претензия на безупречное понимание, за что мы бьемся. Лично я вела беспощадную битву за осознание. И я вела свою битву четко. Каждый раз, когда моя дочь произносила «не знаю», чем бы я не занималась, в каком бы месте нашей квартиры я не находилась, я все останавливала и шла к дочери, чтобы дать щелбан. Приблизительно через три недели, когда появилась некая осмысленность в реакциях моей дочери, я стала накапливать щелбаны. Я громко объявляла, что моя дочь заслужила один щелбан, который лично она получит обязательно позднее. Когда накапливалось 5–6 щелбанов, я их ей и выдавала все разом!

Я буду...

Завтракаем. Погода за окном нашего первого этажа солнечная, ясная. Небо, естественно, голубое. Мороз до 25 градусов. Дочь говорит:

— Мороз и солнце..

Я подхватываю:

— День чудесный!

Дочь тараторит:

— Еще ты дрем. друг прелест... пора красав... прос...

— Доча, ты пулеметчица или ты стих читаешь!

— Не знаю! — автоматом выпаливает дочь и дальше в таком же безобразии, т. е. не выговаривая последние слоги, дочь тараторит что-то про Аврору.

— Дочка! Как ты можешь не знать, кто ты и что ты сейчас делаешь? Ты сейчас стих читаешь? Так читай хорошо, с чувством! Или ты хочешь показать, что ты плохой чтец! Тогда помолчи и подготовься, и дыши ровно, как учили на флейте!

— Я буду хорошим чтецом и начну сначала!

Дочь по памяти читает любимый свой стих про красавицу, которой пора. Читает хорошо и дыхание не сбивается! Я хвалю, радуюсь. Наконец-то, дочь кем-то решила стать. Хотя бы чтецом за завтраком! Тем более приятно, потому что мы любим поэзию.

Теперь мой черед и я читаю Гумилева:

Я не смотрю на мир бегущих линий.

Мечты мои лишь вечности покорны.

Пушай Сирокко бесится в пустыне,

Сады моей души всегда узорны!

Честные «Не знаю»

Приблизительно через месяц я уже смогла ввести градацию дочериных «Не знаю»: какие подлежали традиционному наказанию, а какие были правильными и честными «Я не знаю». Честные «Я не знаю» требовали некоторых размышлений о себе и мы с дочкой обсуждали ситуации, в которых появились ее «Я не знаю». Так мы вместе стали находить ответы. А наказуемые «Не знаю» еще через несколько месяцев стали весьма редкими гостями в нашей жизни.

Мальчики, дедушка и Аватар

Увидев девочек в классе у дочки, я сразу поняла, что с девочками ей подружиться будет сложно. Все как одна светловолосые. Все такие худенькие, хорошенькие и парочка очень красивеньких. Несмотря на то, что моя дочь была старше всех девочек почти на полгода, тем не менее ростом она была намного ниже их. И общий образ моей дочки, кареглазый, черноволосый, чернобровый и активно-агрессивный вообще никак не вписывался в образ девочки из 4В.

Мальчишки в классе были более разнообразными, чем одинаковые девочки. Среди мальчиков были и худенькие, и маленькие, и толстенькие, и высокие, и черненькие, и русые. И я подумала, что с мальчишками моя дочь вполне может подружиться. По крайней мере, я сама с детского садика дружила только с мальчишками и была всю жизнь «пацанкой». Да и чувствовала я себя в компании мальчишек более комфортно, чем в компании девочек. Хотя по жизни мне с подругами как со школьными, так и с институтскими повезло. Но я опять-таки ошиблась в своих предположениях. Потому что первое, что сделала моя дочь на третьем дне своего пребывания в новом классе, так это она затеяла серьезную драку именно с мальчиками. Мне повезло, что драка произошла не в классе и не в школе вообще, а на прогулке в школьном дворе. Была зима, огромные сугробы заметно смягчали падение, а куча мала из моей дочки и трех мальчишек, образовавшаяся в итоге, закончилась без травм и серьезных ушибов.

Надо сказать, что еще в детском доме моя дочь занималась карате. Никаких боев она не выигрывала, никаких поясов себе не заработала, да и на тренировки ее водили всего несколько месяцев. Но за эти несколько месяцев она научилась нескольким приемчикам, болезненным ударам и набралась амбиций «великого бойца». Вот этот «великий боец» и показал себя. До этого в 4В классе серьезно никто драк не устраивал. Хотя некоторые мальчики, как я позже узнала, тоже занимались в школе карате. А с появлением моей дочери мальчики узнали, что девочки могут и ударить. Как я уже упоминала, в этом классе девочки были скорее прилежными ученицами и красотками, нежели «сорванцами» и «пацанками». И поскольку моя дочь блеснуть знаниями не могла по определению, то она блеснула своей агрессивностью, чего у нее было в избытке. Показав свою удаль молодецкую, и как бы защитив свое «реноме», дочь с одной стороны гордилась тем, что затеяла драку («будут знать, как меня

„обезьяной" называть»), а с другой стороны обрекла себя на одиночество.

Так было и больше не будет

Моя дочь решила, что новая жизнь у нее будет отличаться от детдомовской. Очень правильное решение. Ибо ее жизнь в новом городе уже изменилась. Все мои попытки разговаривать ее на тему мальчиков в первые 6–7 месяцев нашей жизни не приносили никакой информации. Поскольку о детдоме вообще моя дочь очень редко говорила спокойно, и чаще всего разговоры прекращались рыданиями и завываниями, так и не начавшись. Конечно, я могла предполагать, что от мальчишек моей дочери в прошлой ее жизни здорово досталось. Но на данном этапе нашей жизни у меня не было возможности повлиять на поведение своей дочери, кроме банальных разговоров о том, что драться не принято и что агрессией можно добиться только еще большей агрессии. Я много усилий приложила для того, чтобы переключить внимание «великого бойца» с драк на битву с ошибками и вообще на учебу. Мы сражались с собой героически, и поле наших сражений постепенно и неуклонно расширялось.

Только потом, летом, когда мы гостили у моих родителей на Украине, я смогла более обстоятельно разобраться с манипуляцией и агрессией своей дочки, направленных именно на мальчиков, сыновей моего брата. Но это уже другая история.

Все мальчики ленивы

Моя дочь продолжала меня удивлять. В качестве домашнего творческого задания по русскому языку ей задали написать рассказ по картинке. Проверяю то, что написала дочь. Обсуждаем ошибки. А ощущение неправильности у меня жуткое. Я не пойму, в чем дело. Смотрю на картинку. Читаю рассказ. Мне становится очень смешно. На картинке мальчик лет 11 помогает двум маленьким девочкам надеть лыжи. Моя дочь написала, что девочка Маша помогает двум маленьким сестричкам надеть лыжи. На этой же картинке нарисовано, что мальчик лет 7 катает на качелях девочку лет 5. Моя дочь пишет, что старшая сестра Оля катает на качелях Леночку. И так еще два раза. Везде, где на картинке мальчики помогают девочкам, в рассказе моей дочери помощницами выступают девочки.

Я спрашиваю у нее, почему так? Моя дочь совершенно искренне и убежденно сообщает мне, что художник и автор этого учебника наврали, потому что нарисовали неправду — мальчики все до одного ленивы и никогда не совершают того, что на картинке нарисовано. А она, то есть моя дочь, решила восстановить справедливость и написала все правильно, то есть так, как действительно бывает в жизни. И все мои разговоры о том, что если у тебя в жизни так не было, то это не значит, что этого не может быть в принципе, прошли впустую. Моя дочь смотрела на меня зло и высокомерно. У меня было такое ощущение, что еще чуть-чуть, и она бы меня спросила, а что хорошего сделали для меня мужчины в моей жизни? И где они, кстати говоря, такие добрые и отзывчивые? Да, возможно я что-то не так сделала, что мне они в жизни не повстречались. Но позиции наши были диаметрально противоположны. Несмотря на то, что я жила одна с моей дочерью и моя семейная жизнь развалилась, я точно знала, что мужчины бывают и трудолюбивые, и добрые, и отзывчивые и еще много какие положительные. А моя дочь твердо была убеждена, что все мальчики — ленивы и не способны на помощь, поддержку, внимание. Ей такие в жизни не встретились, значит таких нет и не будет. Логично! Что тут скажешь? И на словах никакие призывы в защиту мальчишек на мою дочь не действовали. У моей доченьки на сердце была только злость на всех мальчишек на свете. Да и глупо надеяться, что в детском доме такие сложнейшие человеческие чувства как дружба, любовь, доверие, уважение смогут сформироваться в принципе без уродливых искажений и агрессивно-манипуляторских моделей поведения.

День Защитника Отечества

Но что-то же надо было делать! Я чувствовала, что мои отношения с дочкой каким-то глубоким образом зависят от отношения моей дочери к мальчикам. Потому что в нашей домашней жизни постоянно проскакивали такие фразы: «Да что тебя слушать, ты разве папа!». С одной стороны, как я уже объясняла, моя дочь ни во что не ставила мальчишек из своего класса. После драки отношения не улучшились. Но с другой стороны, восточные (кавказские) корни моей дочери требовали от нее уважительного отношения к мужчине в принципе, поскольку главой кавказской семьи, как и в принципе, любой семьи, по идее об иерархии является отец! Ну и ситуация, скажу я вам. Я стала серьезно размышлять на тему, а можно ли в семье из одних женщин воспитать уважительное отношение к мужчинам в принципе? Так можно или нельзя — вот в чем вопрос! В поисках вразумительного и деятельностного ответа я уперлась-таки в тупик. И поняла, что мужчину в принципе пока надо оставить в покое, подождет моя доченька с отцом — главой семейства, и что надо браться за мальчиков из ее класса. Поскольку чужими проблемами заниматься легче, чем своими, я вздохнула с облегчением и стала думать, как же моей дочке подружиться с мальчишками или хотя бы более спокойно к ним относиться, без злости и агрессии. А тут и февраль пришел.

В классе решили для мальчиков в честь Дня защитника Отечества устроить концерт. Каждая девочка должна была выступить на сцене: стихи ли прочитать, танец ли станцевать, короче, себя показать. Мы с дочерью стали обсуждать, чем бы порадовать парней, чтобы и дочке не позорно на сцене было и всем остальным, кто в зрительном зале, интересно стало. Выступать с песней про дельфиненка я запретила сразу. Танцевать мы не умели. И я придумала со сцены загадывать загадки. А загадки не простые, все загадки для мальчишек. В Интернете я искала несколько дней и скачала загадок двадцать. Разбила их на два типа. Первый тип про войнушку, второй — про хозяйство. Дочь была в восторге. Она-то считала, что такие загадки никто из мальчишек и разгадать-то не сможет. И вообще, что с них взять! Я смотрела да посмеивалась. Лично я была высокого мнения об умственных способностях мальчишек из ее класса. Поэтому и выбирала загадки позакovskyристее. Дочь выучила загадки наизусть, подготовила шпаргалку на всякий пожарный. Мы с ней потренировались дома выходить на сцену, смотреть в глаза зрителям, обращаться с загадками к залу, а не к

полу или потолку, не вертеть головой, ногой, рукой. Короче, тренировались долго и успешно. Волнения нам было не избежать, учитывая скудный опыт моей дочери в сольных выступлениях на большой сцене актового зала большой школы, но какие-то крупные детали выступления мы отрепетировали. Свое выступление дочь держала в секрете от одноклассников, хотя подготовка девочек к предстоящему празднику шла открыто и очень дружелюбно.

В день защитника Отечества на мою дочь впервые смотреть было приятно. Она вся светилась, так ей нравилось. И, конечно, счастливое волнение красило и без того очаровательное лицо моей дочери! Когда я пришла домой, то вечером только и разговоров было о том, что мальчишки разгадали почти все ее загадки, и что всем было интересно, и что ее похвалили. Потом в течение долгого периода времени неразгаданная загадка вспоминалась как флаг на крепости души моей дочери, как последний форпост ее высокомерия и злобности. Мы несколько раз эту загадку загадывали даже взрослым мужчинам. Они ее тоже не разгадали: «Три старушки как охнут, вокруг все люди глохнут».

Мне кажется, что нам повезло с этим праздником, с Днем Защитника. Во-первых, моя дочь успешно выступила. Во-вторых, она поняла, насколько важна подготовка. В-третьих, мальчишкам понравилось. В-четвертых, одна загадка осталась неразгаданной. Не зря же говорят, что в каждой женщине должна быть «изюминка», тайна. Так и у моей дочери осталась тайна. А все остальное приятно сдвинулось в сторону позитивного отношения к мальчикам из ее класса. Но это был только первый опыт, положивший начало крупной воспитательной стратегии борьбы со злобностью и манипуляторством моей дочери.

Дедушка

Невозможно передать словами, как волновались мои родители, когда я стала приемной мамой для ребенка из детского дома. В это время как назло, все телевизоры смаковали жестокое обращение с маленьким мальчиком Агеевым в приемной семье. Мои родители смотрели, слушали и переживали за меня и за судьбу моей дочери. И даже несмотря на то, что мы общались достаточно часто по телефону, все равно находилась какая-то телевизионная «зараза» или «заноза», которая опять погружала моих родителей в уныние и беспокойство. Помочь мне в моей битве без врага они не могли, а спокойно сидеть, сложа руки, тоже. Поэтому волновались и, конечно же, ждали нашего приезда.

Встречу с моими родителями я готовила постепенно. Сначала мы смотрели мои детские фотографии, где мои родители были молодыми и красивыми. Моей дочери они очень понравились. И она не раз мне говорила, что и я очень красивая. На настенном календаре своей дочери я разрисовала все летние поездки, так чтобы она знала, что в июле она едет в туристический лагерь в горы, а в августе мы вместе с ней едем знакомиться с моими родителями.

Ближе к августу мы с ней сели посмотреть видеофильм, который я несколько лет назад сняла. Моя дочь заочно познакомилась с моей мамой, то есть своей бабушкой, с моим братом и его семьей. Видеофильм шел минут сорок. Но весь фильм моя дочь ерзала и постоянно меня спрашивала:

— А где дедушка?

— А у меня будет дедушка?

— А когда я увижу дедушку?

Так получилось, что дедушка появился только на сороковой минуте фильма. Он шел навстречу камере, махал рукой и широко улыбался. Моя дочь тут же схватила меня за руку:

— Это мой дедушка?

— Конечно, это он!

Больше мою дочь ничего не интересовало. Она увидела дедушку и успокоилась.

Своими именами
Хочу я вещи называть.
Кристалльная вода
Не искажает того,
Кто смотрится в ее глубины.

Мы были в деревне, где наши родители построили большой дом. Я мыла посуду на кухне. Дети играли в гостиной. Богданчик что-то лепетал на украинском. Мирослав часто смеялся. Вдруг я отчетливо услышала голос дочери. Интонации ее голоса меня заставили вздрогнуть. Она произнесла всего несколько слов: «Пощади его или я тебя побью!». Я влетела в гостиную, прямо в желтых резиновых перчатках схватила дочь за руку и выдернула ее из троицы детей.

Уже в нашей комнате, усадив ее на диван и сняв перчатки, я села рядом и попросила дочку повторить то, что она только что сказала. Дочь перепугалась. Губы ее задрожали. Но она произнесла: «Пощади его, а не то я...». Дальше она запнулась и замолчала. «Дочка, — сказала я, — я знаю, что ты хорошо помнишь продолжение своих слов. Я хочу, чтобы ты произнесла эту фразу полностью еще раз». Она выразительно, со злостью посмотрела на меня, проверяя мою настойчивость. Я смотрела на нее в упор, не отводя взгляда, научившись таким образом делать вещи важными и требовать внимательного к ним отношения.

— А не то я тебя побью!

— А не то ты побьешь Богдана? — уточнила я.

Дочка молчала, опустив голову.

— «Получается, что ты хочешь Богдана держать в страхе, ты угрожаешь ему? Ты хочешь определять, кого ты пощадишь, а кого ты побьешь?»

Дочка руками закрыла свое лицо. Я убрала ее руки от лица, сказав, что жду ответа и при этом хочу видеть ее глаза и лицо. Дочь начала плакать. Плакать фальшиво, как она умеет. Надо сказать, что умение фальшиво плакать у нее было великолепное. Сначала лицо становится жутко жалостливое, потом глазки приобретают потрясающе невинное выражение, почти театрально ладошки закрывают все лицо и нервно начинают подергиваться плечики. Я проходила не раз, и даже не десять раз эту прекрасно отрепетированную и заученную наизусть сцену. Котик из «Шрека» оказался талантливым учителем всех детей. Но моя доченька явно превзошла своего «учителя» в мастерстве.

Мне стоило огромного труда не броситься успокаивать ее, слова жалости и прощения уже готовы были сорваться с моего языка. Но я взяла себя в руки, прекратила все свои дергания, как телесные, так и словесные и молча сидела и смотрела на свою любимую актрису.

Дело в том, что хороший актер играет свою роль в сцене за

сценой, у актера есть целостный сюжет. А у моей дочери был только актерский прием, спектакль она пока выстраивать не умеет (я надеюсь, что мое воспитание покажет ей более эффективные способы общения, хотя подумать о ее карьере актрисы стоит). Поэтому через несколько минут такого фальшивого плакания героиня должна убедиться, что ее способ работает. Обычно она украдкой начинает сквозь отверстия между пальчиками смотреть совершенно нагими и естественно, сухими глазами, потому что ей становится интересно, как яотреагирую. Делает такой маневр она опять-таки безукоризненно. Продолжая якобы рыдать, подергивать плечиками, имитировать голосом плач, всхлипывать, она параллельно с этим очень медленно и осознанно разводит пальчики и смотрит в образовавшееся отверстие. Заметить подобный маневр может только очень наблюдательный человек. Я заметила, и заметила давно.

Все свои актерские способности доченька продемонстрировала и в этой ситуации. Я эмоционально собралась и стала ждать, наблюдая за ней очень тщательно. И хотя мне очень хотелось ударить ее рукой, смахнув всю фальшь с ее лица, я старалась сидеть спокойно. Как только дочь начала подглядывать, я спросила:

— В детском доме тебя мальчики били и издевались над тобой, когда ты была еще маленькая и многого не понимала. Теперь ты решила отыграться за свои унижения на Богдане и Мирославе? Да?

— Нет! Я не этого хотела! — крикнула она.

— А чего ты хотела?

— Не знаю!

— Доча, ты вчера Богдана измучила своими щелбанами по голове. У него от твоих щелбанов разболелась голова, ты же знаешь, какой он чувствительный. Богдан и Мирославчик — твои братья и мне нужно, чтобы вы подружились. Но никак не причиняли друг другу боль и страдания, и уж тем более не издевались друг над другом.

Дочь молчала, потупив взгляд.

— Напиши, пожалуйста, сочинение на тему того, что ты на самом деле хотела, и про «побью» тоже. Пока не напишешь, из комнаты не выйдешь.

Когда я вышла из комнаты, все дети уже спали на своих кроватях. Вырубились все, хотя обычно днем они не спали. Я продолжила уборку. Через час я заглянула к нам в комнату. Там мирно посапывала и моя дочурка.

Когда дети проснулись, было около 17 часов.

Дочка написала сочинение из рук вон плохо в смысле

грамматики. Написала она следующее:

Сегодня днем я сказала одно слово (*потом она зачеркнула «одно слово» и написала «одну фразу»*) «Пощади, а не то побью». Но я под этим не подразумевала проблем, потому что я не хотела бить. У меня эта фраза взялась ниоткуда.

Я молча и внимательно слушала, как она, путаясь в своих закорючках, сбивчиво мне перечитывала свое сочинение. Затем я спросила: «А как ты его не собиралась бить? Вот так?» Я подошла и достаточно болезненно дала ей щелбан по голове. «Бить приблизительно так или сильнее? Как именно?».

Дочке мой щелбан очень не понравился. Она зло на меня посмотрела. Но я спокойно продолжила: «Вчера целый день ты раздавала щелбаны и Богдану, и Мирославу. Мальчишкам было больно, но они терпели. Хотя и обижались на тебя, но ненадолго. Ты пользовалась их добрым отношением к себе, как к девочке, как к сестре. Богдан еще вчера пожаловался своей маме, что ты ему не даешь прохода и постоянно бьешь его, от чего у него стала болеть голова». Я встала и дала ей еще раз щелбан по голове. «Ты его так не собиралась бить. Или сильнее? Или ты думаешь, что Богдан своей маме наврал, что ты его била по голове. Так кто из вас врет: Богдан маме, или ты в своем сочинении?».

Дочь опять молчала, но я чувствовала, что злость ее нарастает. «Мало того, что Богдану искушали все ноги земляные блохи, а потом в него вцепился клещ, которого еле вытащили. Так еще приехала гадкая девочка, называющаяся сестрой и измучила его своими щелбанами. Ты думаешь, Богдан об этом мечтал? Ты что думаешь, все только и ждут, когда ты их одаришь своими издевками и тычками? Доча, пора понять, что игры детского дома остались в прошлом и что пора налаживать новые, более дружеские отношения. Или ты считаешь, что это и есть дружба? Ты сюда притащила бандитские отношения — кто может себе подчинить других, тот и главный! Дочка, здесь тебе не детский дом, где вы сидите взаперти и сильный подчиняет себе слабого, а старший подчиняет себе младшего! Ты находишься в открытом мире, где сильные люди защищают слабых, младших. Дочка, подумай только, это твои братья. И я не позволю тебе издеваться над ними. Я буду их защищать от твоих издевательств, потому что они дружат и играют с тобой, а ты с ними ведешь себя, как дрянь!».

— Скажи, Богдан тебя обижал?

— Нет.

— А Мирослав тебя обзывал, бил, насмехался над тобой?

— Нет.

— Тогда почему ты решила, что можешь себя вести, как дрянь? Мы, возможно, единственные в мире люди, которые любят тебя, которые приняли тебя в свой мир и от твоего поведения сейчас многое зависит. Ты это понимаешь?

— Да.

— Тогда хватит врать себе и мне. Хватит вести себя поскотски. Мне нужна твоя честность, мне нужна ты! Ты, моя дочь, единственная дочь и я тебя очень люблю!

Через минуту молчания она вымолвила:

— Если я буду признаваться, то мне придется углубиться очень далеко.

— Да, родная, углубляйся, потому что это единственно правильный путь, путь признания, путь свободы от детского дома! От его законов и привычек!

На следующий день история получила продолжение. Я отправила детей за молоком и решила вздремнуть в тишине. Разбудил меня рев Мирослава, доносившийся издалека. Я прислушалась. Это определенно был Мирослав. Я вышла со двора и пошла по улице, предположительно навстречу неугомонной троице. Вдали я увидела, что моя дочь идет рядом с Мирославчиком и что-то ему говорит. Мирослав рыдает на всю улицу. Богдан идет на расстоянии нескольких метров от этой двоицы. Подойдя поближе, я увидела, что Мирослав закрыл ладошкой глаз, а самым обиженным мне показался Богдан. Его я и спросила:

— Что произошло?

— Она сказала Мирославу: «Ударь Богдана». И он меня очень сильно ударил. А когда я в ответ его оттолкнул, он заплакал.

Моя дочка крикнула:

— Я этого не говорила!

Мирослав рыдал безостановочно.

— Богдан, отдай ей молоко. Дочка, иди с молоком домой, я с тобой позже поговорю, а сейчас я займусь Мирославом, — распорядилась я.

Все сделали в точности, как я сказала.

Как только моя дочь отдалась от нас, Мирослав рыдать перестал. Но ладошку от глаза не оторвал.

— Мирослав теперь слушается только ее, — обиженно начал Богдан. Мирослав, так нельзя, я же твой родной брат, мы должны защищать друг друга, а не нападать!

Мирослав по-прежнему молчал, сопел, но глаз не открывал.

— У меня болит глаз, — сказал Мирослав.

— Я знаю, что делать, пойдем домой и промоем твой глазик

холодной водой из колодца. Холодная вода глаз успокоит, — предложила я.

Мирославчик мотнул головой и миролюбиво зашагал со мной домой. Богдан подтянулся к нам, и мы стали обсуждать, какая пылица на дороге, и что скоро по ней пойдут коровы с выпаса. И как пыль будет стоять столбом, но нас уже здесь не будет!

Мирослав и Богдан быстро помирились. Глаз мы умыли и он больше не беспокоил Мирославушку. Я оправила детей играть в трансформеры. Сложнее дело обстояло с моей дочкой. Когда я пришла в комнату, она сидела, как ни в чем не бывало. В ее глазах не было ни тени вины. Дочь даже не спросила меня, как глазик Мирослава. Она приготовилась к суровой обороне.

— Ты считаешь, что Богдан врал, что это не по твоей наводке Мирослав ударил Богдана, и что ты не собиралась ссорить их между собой, — начала я.

— Конечно, я здесь не при чем. Я ничего не делала такого!

— Хорошо, тогда я подожду, когда ты поймешь, что такого ты сделала. У тебя времени, сколько ты захочешь. Сиди здесь, в нашей комнате. С тобой общаться буду только я, когда у меня будет для этого время. Когда поймешь, в чем дело, тогда я тебя выслушаю.

Я ушла расстроенная. Я видела, что дочка надела маску «ничего такого». Следующим шагом будет «Подумаешь!». А потом опять моя доченька вернется в одну из своих излюбленных позиций: либо все кругом плохие, одна она хорошая, либо она плохая и тогда зачем ей жить! Мне очень нужно было, чтобы моя дочь самостоятельно сняла с себя маску «ничего такого». Пока никаких идей у меня не возникло. И я решила, что она должна побыть в одиночестве.

Трудовое единение

Почти каждый час я навещала нашу комнату: дочь то рисовала, то спала, то опять рисовала. Никаких с ее стороны пониманий не звучало. Она продолжала делать вид, что «ничего такого» не случилось. А в это время жизнь в деревне протекала бурно. Мой папа предложил сделать яблочный сок. Спасу нет от этих яблок! Они падали и падали нам под ноги. Мы их убирали. Но они падали быстрее, чем у нас доходили до них руки. И вот началась целая операция по изготовлению яблочного сока. Все забегали по дому, переодеваясь в вечерние рабочие одежды. Папа из подвала вытащил ручной пресс. Богдан его отмыл от пыли в большом корыте. Пока Богдан мыл пресс, папа с Мирославом достали большую дрыну, т. е. палку с рогаткой на конце для сбивания яблок, висящих высоко на дереве. Я грела воду, чтобы в большом корыте была не слишком ледяной набранная из колодца вода. Дальше мы вытащили из бани большую деревянную лавку и взгромоздили на нее пресс. Вся эта подготовительная возня заняла добрых полчаса. И всем уже не терпелось приступить к основному процессу! Мы с мамой сели вокруг столика. На столике стояло огромное корыто с водой, куда постепенно Мирослав приносил яблоки. Мы яблоки мыли и терли на крупных терках. Как только натерто было ведро яблок, Богдан их складывал в марлю. Марлю папа подкладывал под ручной пресс и начинал крутить рычаг. Сок тек в другое ведро. Все стояли кругом и смотрели с восторгом. Как только папа выжимал последние капли, все врассыпную бежали дальше делать свое дело.

В какой-то момент появилась дочка и тихо попросила прощения у мальчишек. Мирослав ее позвал и радостно показал, сколько сока мы уже сделали. Мои родители ничего не поняли, так как я им не рассказывала про свои воспитательные соображения. Но спросить у Богдана и Мирослава я должна была. И я спросила: «Вы на каких условиях прощаете мою дочку?». Богдан тут же сказал: «Не битья!». Я обратилась к своей дочке: «Ты обещаешь?». Она в ответ закивала головой. Ей хотелось скорее помогать и влиться в общее дело. Работа закипела с прежней силой. Мы сделали 30 литров яблочного сока. Выпили не менее трех. Все устали, но были рады, что все закончилось. Впервые мы легли спать далеко за полночь.

Когда мы улеглись, я напредила своей девочке, что если я еще раз услышу от мальчишек, что она их бьет, неважно сильно или слабо, мы уедем из деревни и остаток своего отпуска проведем в городе вдвоем.

В течение недели мы много работали все вместе. Мы многое сделали: покрасили забор, ворота, теплицы, пропололи грядки, собрали урожай, гуляли, ходили в лес за грибами, убрались на могилах наших прадедушек и прабабушек, ходили в гости. Больше тема физического насилия или психологического давления не всплывала. Я точно не знаю, что в деревне спровоцировало мою доченьку на такое садистское поведение, но вряд ли оно было случайным и вряд ли оно впервые возникло именно здесь, с братиками. Мое отношение к словам дочери было внимательным и требовательным. Таким оно остается и по сей день.

Аватар подойдет

У моей дочери появился любимый мультик — «Самурай Джек». Причем, главный герой в нем — самурай с мечом. А раньше моя доченька обожала смотреть всякие сериалы, где миром правят «девочки». Но поскольку теперешняя наша жизнь по обоюдному согласию протекает бурно и интересно без телевизора, а сам телевизор можно включить лишь в выходные дни для того, чтобы посмотреть любимые мультики, то сериалы канули в Лету и про них дочь даже не вспоминает. Короче, мультики утром и вечером. Приезжаю я как-то вечером домой после тренировки, а мне моя дочь радостно и очень уверенно сообщает:

— Мама, тебе Джек подойдет!

— Куда подойдет? — недоумеваю я.

— В мужья, конечно! Тебе же нужен муж!

— Да, мне нужен муж. А тебе, естественно, нужен папа. Но доченька, самурай Джек только и делает, что ходит по миру и ищет приключений на свой меч. Если он или такой герой, как он, станет моим мужем, мы его в лучшем случае будем видеть раз в году на пару часов.

— Нет, мама, он останется с нами навсегда!

— Доченька, родная, как может герой жить изо дня в день в одном и том же месте? Он же перестанет быть героем! А как только он перестанет быть героем и совершать подвиги, он сразу же разонравится тебе и мне!

— Тогда надо тебе подобрать другого героя! Аватара, например. Да, Аватар тебе подойдет! Даже лучше, чем самурай Джек.

— Да уж... Героя нам сильно не хватает.

Нежность

— Я заботою тебя окружу!

— Ничего я не хочу!

*Песня из мультфильма
«Бременские музыканты»*

Умение заботиться о ребенке — одна из основ родительского воспитания. Ребенок может с благодарностью принимать родительскую заботу или воспринимать ее как нечто само собой разумеющееся. А может строить козни, сопротивляться или в принципе, на каком-то этапе своей жизни, даже отвергать ее. Но то, что забота является следствием теплых, нежных чувств со стороны родителей, это факт. Даже если родитель не проявляет внешне никакой нежности, это еще не значит, что он ее не испытывает внутри себя. Конечно, женщины больше способны проявлять нежные чувства, чем мужчины. Они любят ласкать и баловать своих любимых детишек. А без материнской теплоты вообще непонятно как может вырасти ребенок.

Недоверие

Из опыта общения со своей дочерью, я поняла, что детский дом — не место для нежности. «Целовалки и обнималки» в нашей с дочерью жизни смогли стать естественным проявлением нежности друг к другу только спустя год и два месяца. И все это время я не знала, как создать «теплоту в доме». Вот дочь собирается в школу. Я протягиваю руку, чтобы поправить хвостик, а она от меня отворачивается. Отворачивается не потому, что не хочет, чтобы я прикасалась к ней, хвостики поправляла. Отворачивается, потому что думает, что я ее сейчас ударю или сделаю ей больно.

Любое мое желание прикоснуться к дочери обрывалось ее автоматическим втягиванием головы в плечи, убеганием, ожиданием удара. Это меня расстраивало сильно. Мне самой было больно смотреть, как моя дочь съеживается, как ее глаза становятся испуганными: все лицо уродуется маской страха, а тело уже разворачивается в противоположную от меня сторону.

Мне еще очень повезло, что моя дочь стала сразу меня называть мамой, а не тетей. Только это нас и спасало. Мне приходилось бороться с недоверием к себе. Порой ожидание удара или затрещины от меня обижало больше всего и никакие разговоры про то, что в мои планы не входит делать больно своей дочери, не могли унять автоматическую реакцию сжимания тела и души на протягивание к ним руки.

Спасительная фраза

Я старалась себя успокоить или насмешить в таких ситуациях, когда самой хочется выть на луну от того, что ты не можешь нормально погладить по голове свою дочь, прижать ее к себе, обнять и пожелать удачи в школе. Я говорила себе: «Не протягивай руки, а то протянешь ноги». Эта фраза меня очень сместила, потому что контекст был совсем противоположный всей ситуации в целом. Но именно эта фраза мне позволяла справиться с обидой за недоверие моей дочери ко мне. Въевшийся в тело и сознание моей дочери страх побоев и рукоприкладства продержался долго. Колочность и язвительность в сочетании с пугливостью и затравленностью подпитывали друг друга и выступали общей моделью поведения. И иногда я не могла с ними справиться. Хорошо помню свой первый эмоциональный срыв.

Мы на кухне. Я купила своих любимых линей. Это такая рыба без чешуи. Во-первых, чистить не надо. Во-вторых, шкурка жареная очень вкусная. Готовила я рыбу и дочери рассказывала и показывала, как она разделяется. Дочь все это видела своими глазами. Потом я пожарила рыбу, накрыла на стол, салатик сделала. Короче, садимся ужинать. И через минут пять дочь заводит такой разговор:

— Мама, а что это за рыба?

— Линь.

— А я думала, что ты меня красной рыбой кормить будешь. А тут какой-то линь!

Я чуть не подавилась. И дальше я есть уже не могла! Единственное, что я смогла, это встать и уйти, потому что внутри меня все вскипело. Через несколько минут я успокоилась, но прерванный ужин продолжить не смогла. Зато моя дочь как ни в чем не бывало продолжала ужинать. Дочь даже не поняла, что я обиделась. Я понимаю, что глупо было на нее обижаться, но мои нежные чувства были и так на пределе. Такой язвительности они вынести не смогли.

Самое смешное, что через несколько дней после этого мы напекли с дочкой блинов, и стали их есть с семгой. Так дочь к семге даже не притронулась. Она предпочла блины со сметаной и сгущенкой. И когда я напомнила дочери, что семга — это красная рыба, которую она так хотела, дочь сказала, что она такого ни разу не ела и пробовать пока не собирается. Вообще, у моей дочери, наверное, как и у каждого ребенка, был своеобразный принцип. Она ела только то, что хорошо знала. И ела она только

все по очереди. Сначала съедала самое невкусное, например, рис. Потом ела салат. И только потом курицу.

Нежность по отношению к Тигре

Опять пригодился девиз советского периода «Тренируйся на кошках». Как я уже отмечала, моя дочь очень любила животных. Она их явно не боялась. Моя дочь смело протягивала руку к любой собаке на улице, хоть к ротвейлеру, хоть к бездомной дворняге. У нее было неумемное желание их гладить, тискать, всячески ими повелевать и дарить им свою нежность и любовь. Лично я тоже не испытывала страха перед незнакомыми собаками и меня не пугал тот факт, что моя дочь протягивает руку, чтобы погладить пса, идущего на поводке со своим хозяином. Меня смущало то, что после того, как она украдкой трогала собаку, так как хозяин пса вряд ли бы одобрил такое поведение моей дочери, она победно ухмылялась и говорила довольным голосом, что она погладила этого пса! Проявлением нежности такое чувство превосходства и самовосхваление вряд ли можно назвать, ибо для моей дочери главным была ее личная победа над чужим, ничего не подозревающим зверем. И пока моя дочь набирала свои очки на чужих собаках, руки ее все больше украшались знаками сопротивления нашей родной Тигренки!

Однажды я набралась сил и стала обсуждать отношение моей дочери к нашей Тигре. Сначала я хотела заснять на видео, как моя дочь «налетает» на кошку, отчего кошка вся сжимается. Заснять, как она «нависает» над Тигрой, давит ее своей массой. Показать дочери, как Тигра прижимает уши именно тогда, когда она начинает ее гладить. Тут-то и наступает кульминационный момент для Тигры, так как придавленная к полу, она нападает на дочку, чтобы избавиться от ее давления. Все эти этапы из раза в раз повторялись, как заезженная пластинка. И каждый раз моя дочь обижалась на Тигру, не понимая, что сама является источником агрессии, но никак не нежности. И если я не могла растопить лед недоверия по отношению к себе и моим чувствам теплоты и нежности, то я взялась за воспитание проявления нежных чувств моей дочери к Тигре в надежде на то, что на этом примере что-то изменится и в наших отношениях.

Тактичность контакта

Я «подлавливала» каждый этап вхождения моей дочери в контакт с кошкой и спрашивала свою дочь, что она видит, как она чувствует настроение Тигры в данный момент времени. Сначала дочь не принимала идею, что нужно изменить тактику контакта и сделать ее менее импульсивной и насакивающей. Я показывала на примере своих отношений с Тигрой, что Тигра на самом деле очень ласковое и нежное существо, если с ней уметь общаться. Дочь видела много раз, как Тигра сама приходила к нам, чтобы мы ее погладили. И тот факт, что сначала нужно сделать так, чтобы Тигра доверила дочери себя погладить, наконец-таки был принят. Мы репетировали подход к Тигре. Задачей дочери было подойти таким образом, чтобы Тигра продолжала расслабленно лежать где бы то ни было. Мы с ней прорабатывали много раз то, что нужно смотреть и наблюдать за поведением кошки, чтобы лучше понять ее жизнь. Наши наблюдения за Тигрой сыграли решающую роль в воспитании такта. Оказалось, что тактичность является очень важным условием принятия нежности. Проще говоря, нужно хорошо понимать, в какое время давать волю своим чувствам нежности и заботы, а в какое время нужно сдерживать свои чувства и эмоции.

Отношения с Тигрой наладились, как только моя дочь смогла изменить тактику подхода к ней. У нее появился положительный опыт наблюдения за поведением не только кошки, но и своим. Кроме того, появился позитивный опыт изменения личных установок моей дочери, поскольку она в очередной раз на своем опыте убедилась в моей правоте. Это открыло для нас возможность изменить другие модели поведения. Чем меньше моя дочь насакивала на Тигру и получала ответный удар, тем реже она отворачивалась и съезживалась сама, когда я к ней протягивала руку. Между нами установились более теплые отношения даже несмотря на то, что мне, по-прежнему, приходилось порой нависать над ней при выполнении моих письменных заданий. Я отдавала себе отчет в том, что сама нависаю над дочкой также, как моя дочь нависает над Тигрой. Я старалась занять более удобную позицию для проверки выполненной работы, предлагая дочери перейти на диван, где мы могли бы вместе сесть и проверить ее работу, найти ее ошибки.

Видеть настроение

С развитием зрительной системы восприятия моя дочь стала многое замечать в нашей квартире. Почти через год она очень удивилась, увидев рядом со своей вешалкой в коридоре счетчик электричества. Она на полном серьезе думала, что я его вчера там повесила и ей ничего не сказала. Но счетчик был такой старый, что дочь не смогла не поверить мне и тому факту, что он там висит раньше, чем мы въехали в эту старую квартиру. Моя дочь стала замечать глазами мое выражение лица, мою улыбку. Я думаю, что она перестала дергаться телом в ожидании удара потому, что стала реально видеть мое настроение, с которым я протягивала к ней свою руку. Моя дочь приняла мою нежность только через год и два месяца.

Вранье

*Я не люблю, когда мне врут,
Но от правды я тоже устал...*

Виктор Цой

Все дети врут. Но ни один ребенок не виноват в своем вранье. По крайней мере, поначалу. А когда ребенок вырастет, он и вовсе не будет виноват в своей лжи, потому что вранье станет либо его успешной стратегией избегания правды, либо эффективным методом борьбы с чем-то или кем-то, либо, на худой конец, заурядной и обыденной привычкой. Вредной привычкой, но такой удобной и любимой! У всех людей пристрастие к лживым словам возникает по-разному. Но у каждого ребенка в самом начале есть свой смысл вранья: порой подлый, иногда интересный, а зачастую введливый и весьма предприимчивый.

Лично я считаю, что вранье является чувствительным индикатором степени проявления внимания со стороны родителей к ребенку, к его делам и интересам. А процесс распознавания лживых слов является необходимой частью осознанного воспитания и ничего общего не имеет с нравоучением типа «хорошо» и «плохо». Процесс распознавания настолько оперативен и стратегичен одновременно, что, к сожалению, родители оказываются способны заметить вранье слишком поздно. Это порождает у родителей ощущение беспомощности и им остается заниматься только наказанием.

Дамоклов меч над доверием

Несмотря на то, что вранье плотно вошло в нашу повседневную жизнь, дифирамбы петь ему опасно и ужасно хотя бы потому, что именно вранье дамокловым мечом нависает над доверием. А доверие во сто крат нужнее человеку, чем вранье! Но вместе дружно они никак не уживаются: либо вранье, либо доверие. Третьего не дано. Опасно впускать в свои отношения с ребенком вранье: оно там устроится на всю оставшуюся жизнь и выгонит из Вашей жизни и доверие, и честность, и будет отравлять Ваши отношения своими глупостями и прелестями.

Вранье как следствие отсутствия родительского контроля

Частенько моя доченька мне врала из-за того, что не хотела делать то, что нужно. Например, чистить зубы по утрам. Она понимала, что ей нужно почистить зубы. И воспитатели ей много раз говорили, что не чистить зубы — это «плохо». Но она, конечно же, понимала, что можно сделать вид, что чистишь зубы, а на самом деле их не чистить. Ведь мама не рядом и можно легко соврать, что ты почистила свои зубы. А главное — все довольны: мама думает, что ее дочь чистит зубы. И дочь довольна, что она нашла такой легкий способ избежать нелюбимого действия. Так думала моя дочь и врала мне. А я думала, имеет ли смысл бороться с таким враньем или оставить свою дочь в заблуждении: пусть думает, что я не знаю, что она не чистит зубы, а на самом деле я знаю, что дочь не чистит зубы, но пока делаю вид, что не знаю. Как же быть с этим заурядным враньем: впускать его в наши едва налаживающиеся отношения или пропустить мимо моего внимания? А если не впускать, то как побороть это самое заурядное вранье? Заурядное, потому что ежедневное и потому привычное. Ведь придется только и делать, что делать вид. Не жизнь, а сплошная показуха.

Решила, что правильнее будет не впускать. Раз заметила, что дочь врет, значит нужно вывести вранье на чистую воду и сделать так, чтобы у дочери даже мысли не было соврать мне на эту тему. Надо сказать, что в борьбе с враньем у родителей существует множество союзников. Сначала я сделала союзником зубную щетку своей дочери.

Начала борьбу, как водится, в понедельник. Как только моя дочь отпраповала, что она почистила зубы, я вошла в ванную комнату и взяла зубную щетку моей дочери. Щетка, естественно, была сухая. Я показала дочери ее щетку и попросила мне объяснить, каким чудесным образом ее щетка оказалась сухой после того, что ею минуту назад почистила зубы ее хозяйка. Дочь зло на меня посмотрела, что-то попыталась сказать, но потом, глубоко вздохнув, призналась, что зубы не чистила. Я вручила своей дочери ее щетку и попросила почистить зубы. Моя дочь явно не ожидала, что я начну проверять ее щетку. А я на этом простом примере поняла, что вранье является следствием отсутствия родительского контроля. На мой взгляд, с самого детства ребенок имеет возможность приучиться к вранью, если его родители невнимательно относятся к тому или иному

процессу или необходимому действию. Везде, где нет личного присутствия родителей, возможно вранье, особенно в ситуации нежелания ребенка выполнять определенное нужное действие.

Вот так я поверила народной мудрости, которая гласит: «Доверяй, но проверяй».

Обмануть время

Наученная горьким опытом, моя дочурка теперь свою зубную щетку всегда подставляла под струю теплой воды и ставила на место. Вранье безостановочно, как и борьба с ним. Выполнить нелюбимое действие — почистить зубы — сложнее, чем придумать много способов его не делать. Я же говорила, что смысл вранья в развитии предприимчивости и личной гибкости! А моя девочка была очень шустрой и по-скорпионски коварной девочкой. И мне от этого было только интереснее. Я заметила, что через несколько дней честной чистки зубов моя дочь опять вернулась к вранью. А для меня настало время призвать следующего, более мощного союзника — само время!

Я приблизительно представляла себе так: моя дочь входит утром в ванну, берет щетку, открывает воду, подставляет свою щетку под воду и кладет щетку обратно. Потом брызгает себе на лицо несколько капель и просит меня выключить газовую колонку, чтобы выключить кран с горячей водой. На всю эту процедуру моя дочь тратила не более 10–15 секунд: я засекала время несколько дней подряд.

Я не стала выжидать, когда новое вранье устроится «поудобнее» в нашей жизни, а моя дочь расслабится на тему нелюбимого действия. Я сразу сообщила дочери о своих наблюдениях: то есть высказала сомнение в том, что за 10–15 секунд возможно почистить зубы и что если дочь повторит это при мне, то можно записывать это достижение в Книгу ее личных рекордов. Дочь опять разозлилась, но рекорд решила поставить. Мы взяли секундомер и я объявила старт. Конечно, за такое короткое время моя дочь выполнить даже с рекордной скоростью свое нелюбимое действие не смогла! Но самое главное — моя дочь очень хотела поставить свой личный рекорд и уже не думала о том, любит она чистить зубы или нет. Обмануть время не удалось, а мы знали теперь, сколько времени нужно на то, чтобы быстро почистить зубы.

А обоняние на что?!

Борьба за чистые зубы была маленькой частью общей борьбы за личную гигиену и самоконтроль. Мне было очень важно у своей дочери сформировать привычку приходить к завтраку умытой, расчесанной и опрятно одетой в домашнюю одежду. И поскольку вместо аккуратной и приветливой девочки по утрам я вынуждена была наблюдать сонную и злобную фурию со всклокоченными на голове волосами, бухающуюся на диван и сквозь зубы интересующуюся, что у нас на завтрак, мне было жизненно важно изменить все! И утреннее настроение, и внешний вид, и отношение к предстоящему дню в целом. А борьба за чистые зубы была частью общей стратегии обучения ухаживания за собой. И конечно, эта борьба вмещала в себя борьбу со вставшимся враньем даже в такой малости, как зубы. Но как ни странно, именно борьба за чистые зубы стала поворотным моментом во всей гигиенической стратегии. Потому что борьба привлекла большую долю внимания к этой проблеме как со стороны дочери, так и с моей стороны. А где вложено много внимания, там появляется много энергии. А где много энергии, там и произойдут изменения.

Так вот, чем больше я обращала свое внимание на то, чтобы моя дочь честно чистила свои зубы, тем больше моя дочь уделяла внимания поиску способов вранья. В очередной раз моя наученная опытом дочурка совершенно осознанно стала проводить в ванной комнате положенное для утреннего туалета время. Теперь она четко представляла, сколько времени требуется для умывания и чистки зубов. И она это время выдерживала. Не всегда у нее получалось, иногда она на автомате открывала зубную пасту и начинала чистить зубы. Но чаще она осознанно делала вид и, как ни в чем не бывало, просила выключить воду, объявляя утренний ритуал ухода за собой завершенным. Пришлось призвать в союзники собственное обоняние. Я принялась каждое утро объявлять, чистила ли зубы моя дочь! И на все 100 % я оказывалась права. При этом, я стояла просто рядом и не пыталась обнюхать свою дочь, это было бы обидным и унижительным действием. Мне пришлось стать еще более чувствительной к запахам: у зубной пасты ярко выраженный запах, который держится несколько минут после чистки зубов. Этого запаха и было достаточно, чтобы определить, чистила ли сегодня утром моя дочь зубы. Мое обоняние дочь никак не могла обмануть. И пусть какое-то время она просто ела зубную пасту, чтобы за завтраком пахнуть свежестью. Рано или поздно, но

привычка чистить зубы, умываться и расчесываться утвердилась в нашей жизни и больше мы к ней не возвращались. А какое важное значение в воспитании девочки, будущей девушки и женщины имеет гигиена и некоторая доля беззгливости, я знала очень хорошо.

Как поется в украинской песне Олегом Скрипка из «ВВ»:

Той, хто дочок має,
Хай їх навчає.

Винной всему стремление к удобной жизни. Причем, обсуждая вранье, я имею в виду удобство не как комфорт, а удобство как нежелание что-то менять или за что-то бороться. Когда всем выгодно вранье? Когда никто не хочет ничего делать! Ребенок не хочет делать уроки, и он врет, что их сделал. Родителям некогда проверять уроки, или не хочется внимательно отнестись к учебному процессу (согласитесь, что в учебе много интересных моментов, которые стоит обязательно проверить и учесть в развитии ребенка), поэтому родителям выгодно принять вранье своего ребенка за правду. Вранье спасительно для всех: и для детей, и для их родителей. Оно делает удобным их повседневную жизнь.

Вранье приучает людей не думать друг о друге. Или думать, но извращенно, затемняя прошлое. Как в фильме Данелия «Кин-дза-дза» герой Яковлева говорит о людях: «Вы даже думаете не то, что думаете». И еще вранье не только затуманивает прошлое, но и искажает будущее. С одной стороны, вранье отбивает всякую охоту думать о будущем. А вдруг в будущем их тайное вранье станет явью? Это настолько тревожная мысль, что она научит врать самому себе любого человека, стремящегося к удобной жизни! Но с другой стороны, вранье приучает человека думать об оправдании своего будущего. Врущий человек часто конструирует свое будущее с учетом совранного, чем погружает себя в опасную реальность веры в то, что именно так его будущее и будет разворачиваться. И с одной, и с другой стороны будущее врущего человека только сильнее будет зависеть от последующего вранья. В этом как раз и состоит развивающий смысл вранья. Человек развивает в себе способность врать изысканно, продуманно, красиво! Но у большинства врущих людей все-таки срабатывает великая русская ментальность. «Авось, пронесет!?» — думает человек, на первых порах еще понимая, что это вранье. И иногда действительно пронесит. Один раз, другой. Но потом, как гром среди ясного неба оказывается, что ребенок вырос и в школу не ходит. И даже высокооплачиваемый ВУЗ не посещает. А муж уже давно живет с другой женщиной. И жена до сих пор не может простить себе, что не сказала всей правды своим родителям.

Удобная жизнь порождает массу иллюзий и смещает реальность. А вранье является очень эффективным способом поддерживать эту самую удобную жизнь в статусе «кво». Конечно, многие люди стремятся к удобной жизни, потому что не могут себе позволить прервать круговую поруку и все остановить, найти

личную энергию на изменение жизненного уклада. Вранье является сильнейшим наркотиком, опутывающим с ног до головы, зомбирующим сознание и парализующим волю. Как любит говорить моя тетя, «сила есть, и воля есть, а силы воли никакой». Именно стремление к удобной жизни стимулирует вранье и по своей сути является изначальной причиной фальшивых решений, отдаляющих человека от его истинных намерений и интересов, сковывающих силу воли, так необходимую, чтобы личными усилиями творить, создавать ценное, получать от своей жизни и работы настоящее удовлетворение.

Не наказывать за вранье

Сотни раз я убеждалась в том, что вранье — это пакость, отравляющая нашу с дочкой жизнь. И сотни раз мне приходилось на пределе своих сил и возможностей внимательно относиться к любому несоответствию того, что говорилось моей дочерью с тем, что есть на самом деле. Моя борьба с вьедливым враньем сделала меня добрее, чем я была до прихода в мою жизнь моей дочери. Это очень странное явление, но я твердо убеждена, что за вранье наказывать ребенка нельзя. Нужно искать смысл вранья и помогать ребенку достигать этот смысл другими способами. Если ребенок врет, потому что ему страшно и он боится сказать правду, надо сделать так, чтобы он смог преодолеть свой страх и создать условия, при которых правда будет важнее вранья. Если ребенок врет, потому что хочет быть лучше, чем другие, надо сформировать динамику позитивных изменений к лучшему, чтобы у ребенка появилось ощущение, что он сможет развивать свои способности и стремиться к лучшему результату, а не врать самому себе о своих вымышленных победах. Если ребенок врет, потому что не может предать других, необходимо вместе с ребенком проанализировать всю ситуацию целиком и помочь ему разобраться с позициями, которые занимают участники этой ситуации.

Как видите, вранье многолико. Оно требует от родителей личных усилий, но эти личные усилия направлены на воспитание их ребенка. А что может быть важнее воспитания? Только осознанное воспитание!

Как поет Владимир Высоцкий:

Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Халтурный смысл вранья

Часто бывает так, что у вранья очень позитивный и развивающий смысл. Но еще чаще бывает так, что у вранья смысл вредительский, тормозящий развитие определенных черт характера, таких как трудолюбие, честность, аккуратность, последовательность, настойчивость, смелость. Именно вранье является стимулом развития таких черт характера, как трусость и капризность. Вранье искушает ребенка снизить требовательность к себе, к результатам своего труда, из-за чего страдает здоровое честолюбие и затрудняется формирование адекватной самооценки.

Моя дочь определенно знала, что врать нехорошо. И она очень стремилась не врать мне. Но в результате такого стремления в жизни моей дочери процветала халтура: полуправда и полумошанство. Происходило на самом деле следующее. Моя дочь должна была сделать мое задание. Вместо того, чтобы сделать его полностью и хорошо, она делала его не полностью и плохо. Но ведь она его сделала! А как она его сделала — это другой вопрос. Причем, доченька знала, что она сделала мое задание плохо. Но халтура позволяла моей дочери не врать мне.

— Ты написала песню Кашина, трек 10?

— Да, мамочка!

На этом можно историю с песней прекратить и успокоиться. Я знаю, что песня написана. Моя дочь еще лучше меня знает, что песня действительно написана, и она ни в коем случае не врет, а говорит правду. А то, что написан только один куплет этой песни корявейшим почерком и с морем ошибок — это уже неважно. Таким образом, халтура губит смысл самого задания, но избавляет мою дочь от вранья.

— Давай споем эту песню, слова неси! — предлагаю я.

— Сейчас, — отвечает дочь и убегает.

Через пять минут моя дочь прибегает ко мне и что-то спрашивает. Я отвечаю и опять интересуюсь, когда будем петь песенку про снежинку.

— Сейчас, — отвечает дочь и убегает.

Еще через пять минут моя дочь сообщает мне, что тетрадь со словами песенки куда-то запропастилась.

— Так найди. Или тебе помочь? — спрашиваю я.

— Нет, не надо.

На третий раз дочь несет тетрадь. Мы усаживаемся поудобнее, и я вижу один куплет едва различимый от ошибок и корявых букв.

— Ты же сказала, что ты написала песню?

— Конечно, написала, а это что, не песня?

— Нет, это не песня. Песню можно спеть. А это и прочитать-то сложно. Ты считаешь мое задание выполненным?

— Нет. Я завтра напишу всю песню. Честно.

— И тетрадь с честно написанной песней не потеряется, да?

— Да.

На следующий день, если не обратить внимание на качество выполненного задания, все пропадет даром. Все усилия, затраченные на борьбу с халтурой, окажутся напрасными и придется начинать все заново. Так устроено осознанное воспитание. Если я не довожу последовательно всю стратегию до какого-то приемлемого результата и если я не создаю условий для закрепления этого достигнутого нами результата, то все рушится «на глазах», как будто бы ничего не было! И все придется начинать с самого начала. Или бросить, наплевать и стремиться к удобной жизни: задание сделано. А как — это уже другой вопрос! Вопрос совести, самооценки, честолюбия и, конечно же, трудолюбия.

«А почему на следующий день, а не прямо сейчас!?» — справедливо возмутитесь Вы. Это очень сложный вопрос. Сложный потому что, во-первых, я ни в коем случае не могу отказать своей дочери в доверии. Я изначально должна верить в то, что моя дочь завтра честно напишет слова песни. Мне нужно, чтобы она думала про себя и свои будущие действия в позитивном ключе. Во-вторых, завтра наступит быстро и я уверена, что у меня достанет сил и времени на то, чтобы спеть так полюбившуюся нам песню Павла Кашина «Снежинка», слова которой на слух и должна записать моя дочь. Во что бы то ни стало я должна найти силы на это «отложенное» дело! И, в-третьих, мое задание является неотрывной частью стратегии обучения моей дочери писать диктанты грамотно, усердно, вырабатывать чуткое слуховое восприятие. Я принципиально заинтересована в качественном выполнении моих заданий, которые не являются моей сиюминутной прихотью, капризом или частью наказания. Если я не могу доверять своей дочери и ее импульсу-предложению завтра написать слова песни честно, то я могу своим недоверием загасить последующие импульсы, направленные на признание и исправление ошибок. Этого допустить никак нельзя. Нельзя стоять поперек импульса и мешать ему сбыться, случиться. Импульс важен сам по себе. Ибо не будет импульса, не будет ничего! Когда я говорю о доверии, то я говорю о том, что доверяю импульсам своей дочери. Я верю в искренность ее импульсов! И моя глобальная задача — обеспечить возможность их осуществления.

Как поет Борис Гребенщиков:

Не стой на пути у высоких чувств.

Но я должна признать, что дети часто врут, то есть фальшивят. Под фальшью я понимаю слова, за которыми нет никакого импульса. Поэтому мое согласие с тем, что дочь напишет песню завтра — очень щекотливое и деликатное согласие. Я надеюсь на то, что за ее словами стоит честный импульс сделать так, как она сказала. Так нужно и можно воспитывать неразрывную связь между словом и делом! Возможно, мне придется напомнить дочери о ее обещании, поддерживая движение импульса своей верой и доверием. Конечно, это будет не чистое выполнение обещания. Может быть, моя дочь даже обидится на меня, что своим напоминанием я высказываю свое неверие в честность и искренность ее намерений. И она будет права. Она будет иметь это право при условии, что ее слова про завтра обеспечены импульсом действия так же, как должна быть обеспечена бумажная валюта золотым запасом. Вся щекотливость ситуации и состоит в том, что обеспеченность может быть под сомнением.

Именно поэтому мне приходится иногда тут же «брать быка за рога» и просить дочь сейчас написать то, что должно быть написано сегодня! Это самая настоящая проверка на честность: если слова обеспечены импульсом, то ребенок без проблем берет и выполняет то, что он сказал. Если же импульса нет и слова были фальшивым предлогом избегания ответственности за ошибку и свою халтуру, то ребенок начинает придумывать причину, по которой он не может именно сейчас выполнить это задание! И тогда начинается либо ругань на поле брани, либо жалость и «спускание все на тормозах». Ни та, ни другая стратегия не приводит к возникновению и поддержанию импульса. Ругань портит настроение, а жалость усиливает фальшь и неверие в собственные силы. Если импульса нет, то на пустом месте ему и не возникнуть! Следует ждать другой ситуации, способной породить импульс. Иногда подождать у моря погоды является самым разумным решением, если понимаешь, какая погода должна способствовать появлению импульса, как появление корабля с алыми парусами на горизонте!

Вранье и завиральные идеи

Каждый человек решает сам, что ему нужнее — вранье или правда. Но каждому человеку, а тем более ребенку, нужны завиральные идеи. Каждый человек с детства учится различать на вкус вранье от завиральных идей. От вранья становится горько. А завиральные идеи сладкие, как тянучки. Рано или поздно вранье заканчивается горькими слезами. А завиральные идеи приносят радость и превращаются в мечты. И только у некоторых людей мечты становятся смыслом жизни, ценностью и общностью бытия.

В жизни всего много: и вранья, и завиральных идей. В них есть много общего. Например, борьба. Только с враньем надо бороться, чтобы его не было. А за завиральные идеи надо бороться, чтобы они были, развивались и самое главное — осуществлялись. Потому что вранье отравляет жизнь, а завиральные идеи делают нашу жизнь радостнее и смешнее.

Все дети любят и врать, и придумывать. И только от родителей напрямую зависит, чему же научатся их дети: обману или любопытству, трусости или смелости, халтурности или усердию, удобной жизни или вечному поиску осмысленной жизни.

Школьные трудности

Школьные трудности были настолько велики, что их тем более пришлось разделять на части, с которыми уже можно было что-то делать: осознать их, понять, какие действия нужны моей дочери для их преодоления.

Первый день в школе

Первый школьный день закончился слезами. Я пришла за своей дочерью в класс. Некоторые ученики толпились у доски, некоторые толпились за столом учителя, некоторые срочно дописывали свои задания. Моя дочь увидела меня, молча собрала в портфель свои вещи и вышла из класса. Мы вместе преодолели огромное пространство школьного коридора, сели на лавочку и моя дочь зарыдала. Пока она плакала, я заметила, что ее руки все исписаны пастой, волосы спутаны: ни следа от утренней ухоженности не осталось. К нам подошла учительница и стала хвалить мою дочь, что она выдержала свой первый день в новой школе, с новыми одноклассниками. Я до сих пор благодарна учительнице за ее те слова, которые позволили моей дочери освоиться в новой школе. Мы подождали, пока слезы не иссякнут. Это были и слезы жалости к своим упущенным возможностям, и слезы горечи того, что ты не можешь проявить себя наравне с новыми, более сильными одноклассниками. Это были и слезы злости на весь окружающий мир. Дома мы ели вкусный торт в честь первого школьного дня и моя дочь сказала, что только сегодня она поняла, как много упущено в ее жизни и как она зла на тех, кто не помог ей.

Именно в этот день мы дали клятву, что будем заниматься каждый день и наверстывать упущенное, что мы вырвемся из омута двоек и незнания. Моя дочь в первый свой школьный день в полной мере прочувствовала свою слабость и неподготовленность, как ученицы. Она смотрела на своих одноклассников и видела, какие они умные, начитанные, радостные и сильные. И хотя никого конкретного она за первые дни не могла выделить и ни с кем не познакомилась, ощущение того, что она попала в сильный класс, у нее сформировалось четкое. И желание подняться на их уровень у нее было не менее сильным. Это внутреннее ощущение и желание стали фундаментом для наших ежедневных занятий. Свои школьные уроки моя дочь делала на продленке, а после школы мы вместе с ней занимались развитием ее способностей. Я не работала и не могла уделять времени столько, сколько нужно.

У доченьки моей
Любимое чувство пятое.

И фильм любимый
«Пятый элемент».

Но в школе любимого так мало!

Вялость учебной позы

Я сразу заметила, что моя в целом физически сильная дочь, при усаживании за учебные занятия сразу принимает позу «растекающейся амебы». Вялость и медленное, но неуклонное сползание со стула, были постоянными спутниками учебного процесса. А о каком внимании можно говорить, когда моя дочь чуть ли не лежит в компьютерном кресле за столом! Вялость и сползание были тотальными: сидела ли моя дочь на кресле и писала за столом, сидела ли моя дочь на кровати и читала. Практически все, что делала или собиралась делать моя дочь из учебных дел, через несколько минут превращалось в «кисель». Мышцы становились вялыми и чересчур расслабленными, позвоночник уже был не из костей, а из мягкого парафина, голова безвольно падала на грудь, горло и сердце зажимались, ноги и руки становились ватными.

Совершенно по-другому моя дочь сидела, когда вышивала, вязала или когда мы вместе с ней собирали пазлы. Это была поза усердия и сосредоточенности. Мы могли собирать пазлы три часа к ряду и ни разу не отвлечься. Разительная перемена телесной позы для творчества и для учебных занятий навела меня на мысль, что пока мы не изменим позу, занятия по развитию способностей будут идти впустую. Поэтому я решила начать с позы и пока не обращать внимание на то, как пишет, читает, решает задачи моя дочь. Главное, чтобы она научилась сидеть «достойно».

Ребенок из детского дома не умеет делать уроки за столом. Он обычно либо не делает их вовсе, потому что ему и так поставят «трояк», либо делает их, где придется. Моя дочь первые месяцы привыкала делать мои задания за столом. Каждый день я входила в комнату, видела, как скрючившись на кровати или на полу она пыталась что-то писать, я строго брала свою дочь за руку и буквально перетаскивала ее с тетрадью за стол. С этого началась моя битва с вялостью. Это было похоже на игру с «Ванькой-встанькой». После того, как нам удалось включить стол в свою учебную жизнь, я стояла, как оловянный солдатик рядом с обычным креслом для письменного стола, на котором сидела моя дочь и при первых попытках «сползания» я поднимала и усаживала ее обратно.

Все мои действия сначала казались мне самой очень искусственными и я не была уверена в их эффективности. Однако я вспомнила спор между Станиславским и Мейерхольдом. Мейерхольд разрабатывал такую систему актерского мастерства, при которой правильно принятая поза актера приводит в соответствие его эмоциональное состояние. Например, если актер примет позу печали, то ему обязательно станет действительно печально. Станиславский же наоборот выстраивал свою систему из внутреннего состояния актера, а не из его внешнего самоопределения. Поскольку я не могла повлиять на внутреннее состояние своей дочери, а внимательной и усердной сама по себе она не станет, то я сконцентрировалась на внешней позе моей дочери, доверившись Мейерхольду. Мы экспериментировали, в какой позе моей дочери удастся написать более грамотно задание. Мы поднимали ноги, мы поджимали ноги, мы ставили их на табурет, мы снимали их с табурета и они висели произвольно. Мы экспериментировали с высотой кресла: моей дочери нравилось его регулировать. Так или иначе, но манипуляции с креслом сделали свое дело и через нескольких месяцев ежедневных усилий, моя дочь садилась без напоминаний за свой стол делать мои задания в одной из разработанных нами поз внимания.

Моя рука на ее макушке

Хуже обстояло дело с чтением. В первые месяцы каждый вечер я читала своей дочери сказки. Она с удовольствием слушала их. Сама она любила только рассматривать картинки и прочитать хотя бы маленький отрывок интересного и познавательного текста, например, из детской энциклопедии, наотрез отказывалась. Дочери было почти 12 лет и мы безнадежно отставали в развитии из-за того, что дочь моя не умела читать. Но она не просто не умела читать. Она имела ярко выраженную негативную реакцию на чтение. Она сначала скулила, потом начинала отнекиваться «Не буду, не хочу, не интересно!», а затем уползала под одеяло, стол и там рыдала.

Мне с трудом удалось ее уговорить читать вместе со мной по очереди. Пока читала я, моя дочь сидела прямо и внимательно слушала. Но как только она сама начинала читать, она тут же принимала почти лежащее положение, при котором горло зажималось, и слабым, едва слышным голосом она произносила какие-то отрывистые звуки, редко соответствующие написанным в книге буквам. В результате одно слово моей дочерью читалось как пять или шесть разрозненных и отрывистых звуков. Чтение было похоже на «умирающего лебедя», голос которого вот-вот исчезнет вовсе. Я поняла, что с такой позой чтения мы далеко не уедем и что необходимо подготовить пространство для хорошего звучания. Поэтому первое, что я сделала, это стала следить за позой, держа свою руку на макушке головы своей дочери. Как только моя дочь начинала сползать, я поначалу не больно пальцами цеплялась за ее волосы. Но если сползание продолжалось, я уже больно хваталась за волосы и тащила все тело вверх, до ровного вертикального положения. Этим же способом я регулировала силу голоса. Как только голосок моей дочери становился слабее, я пальцами барабанила не больно по макушке.

Конечно, первые дни моя рука на макушке у дочери вызывали агрессию, злость и раздражение. Я понимала, насколько это неприятно, но настаивала на своем. И еще я делала общий массаж, вытягивала ей руки, ноги. Массаж дочь очень полюбила и прощала мне то, что приходилось делать ей больно, тащить ее за волосы. Я рассказывала, как барон Мюнхгаузен сам вытащил себя за волосы из болота и тем самым спасся от неминуемой гибели. Я показывала на себе, как барон себя тащил. Моя дочь, впечатлившись Мюнхгаузеном, достаточно быстро сочла этот способ приемлемым для обучения чтению. Сейчас она может

сидеть спокойно и прямо. Но мы пролили много слез и испортили много вечеров ради этого.

Доченька, поплачь.
Обиды, горести пролей
Слезами детства.
Под солнцем высохнут они!
Детство, точно лето.

СИЛЬНЫЙ ГОЛОС

Как я уже говорила, моя дочь читала очень слабеньким голосочком, звучащим отрывисто. Но ее голос не был слабым в принципе. Моя дочь иногда производила столько шума, сколько не может производить и орава детей. Она разговаривала громким, глухим голосом. А в чтении ее голос вырождался в слабый и неуверенный. Поэтому вторым делом мы начали прорабатывать силу голоса. Надо сказать, что многие взрослые люди понятия не имеют о свойствах своего голоса, о его возможностях и о его силе. Голос также уникален, как почерк, речь, манера, стиль. К сожалению, голоса российских мужчин и женщин в большинстве своем не раскрыты, не развиты и их потенциал никак не задействован. Как многие взрослые используют 10 % мощности своего компьютера, используя его только как печатное устройство, так многие взрослые люди используют возможности своего голоса не более, чем на 10 %. А те люди, которые профессионально используют свой голос и работают над ним, например, певцы, дикторы, артисты, отлично знают, что голосовые связки развиваются, и язык «накачивается» также, как и обычная мышца, и артикуляция может быть достаточно четкой, если ею заниматься. И мы занимались. Тянули каждую букву, пока ее звучание не становилось приличным. Мы старались при чтении контролировать темп и ритм и добивались «наполненности» в голосе. Это было самым сложным, но необходимым. Как я уже отмечала, нам очень помогла игра на флейте, благодаря которой у моей дочери установилось правильное дыхание. Мы прорабатывали горестные ситуации из прошлой жизни моей дочери, благодаря чему зажимы в области горла ослабевали. И чем больше открывалось горло, тем легче было удерживать голос наполненным и сильным.

Через год нам стали доступны стихи. Это было здорово!

Чтение — это сложный процесс согласования зрительной, аудиальной и кинестетической модальностей. Ребенок смотрит глазами на текст, зрительная информация переводится в аудиальную — ребенок произносит то, что он видит, подстраивая при этом кинестетику — движение губ, языка, мимических мышц, артикуляцию в целом. Детям, у которых ведущей системой восприятия информации является зрительная, легко читать. Они мало осознают то, что говорят. Потому что они произносят почти только то, что видят. Они также не заиклены на усталости, так как они не осознают утомление мышц, участвующих в речи. Они легко запоминают отличия в зрительных образах каждой из букв. На то они и визуалы!

Для аудиалов, детей с ведущей аудиальной (слуховой) модальностью, чтение таит в себе сложности, поскольку им приходится подчинять свою ведущую модальность зрительной, а это само по себе нелегко сделать и требует больших усилий над собой. Поэтому аудиалы не дочитывают слова, а стараются их узнать или угадать по первым слогам и договорить, путая окончания или неправильно согласовывая их со словами рядом. Они также как и визуалы, не утомляются от чтения, как и в целом от своего любимого говорения (аудиалы чаще всего болтуны), но их может раздражать то, что нужно внимательно смотреть достаточно длительное время. Долго подчиняться своему зрению они не любят и зачастую их трудно заставить прочитать до конца все, что задано. Они бы с большим удовольствием сочинили продолжение сказки, рассказа, повести, чем читали текст дальше.

Для кинестетиков главным является ощущение, поэтому эти дети слишком быстро ощущают усталость от чтения и долго им действительно читать трудно. В это может не верить учитель или родитель, но от этого кинестетику не легче: он устает. К тому же, именно кинестетик переживает всю гамму чувств, заложенных в сказке, рассказе, повести. И ему очень важно поделиться своими чувствами с другими, или наедине с собой пережить еще раз то, что он прочитал только что. Поэтому кинестетики отвлекаются от чтения. Все это в буквальном смысле раздражает учителя, но именно для этого и пишутся сказки, рассказы, повести — чтобы их переживать! Поэтому кинестетик наиболее близок к пониманию смысла текста. Не просто к техническому запоминанию, а к сопереживанию. Но именно глубина переживаний и делает невозможным высокие формальные показатели чтения. Техника чтения, его скоростные

характеристики являются для некоторых детей не только непреодолимыми, но и бессмысленными. Невозможно предъявлять одни и те же требования по чтению для визуалов, аудиалов и кинестетиков. Потому что смысл чтения для каждого из них находится в разных пластах.

Визуалу легко прочитать любой текст. Он по прочитанному легко снимет свое «кино», то есть увидит все как бы со стороны. В этом его смысл чтения — создать зрительный образ. Аудиал читает для того, чтобы «напитаться» любимыми словечками, выражениями, уловить неповторимость стиля писателя и научиться самому так говорить, подражать, интонировать. В этом его смысл чтения. Кинестетик читает для того, чтобы получать впечатления и ощущать всем телом глубину чувств, заложенных автором в действиях героев сказки, рассказа или повести. В этом его смысл чтения. Ни для одного из детей техника чтения не является значимой характеристикой чтения. Она лежит «мимо смысла».

Поскольку моя дочь была аудиальным кинестетиком, я пыталась привлечь ее внимание и стилем написания, и глубиной чувств. Мы читали только яркие эмоционально окрашенные сказки, наполненные действиями героев и героинь. И, конечно, делились своими впечатлениями от прочитанного. Однажды мы побили рекорд: обсуждали буквально каждое предложение из мифа древней Греции. Комната моей дочери наполнилась большими, красивыми и интересными книгами-энциклопедиями, которые она рассматривала, выуживала какую-то частичку прочитанной информации и вздох рассказывала мне о тех фактах, которых она раньше не знала. Познавательная активность дочери была высокой, ей многое стало интересно. Но читала она все равно мало и недолго. Я радовалась хотя бы тому, что она читала.

Приснилось мне, что
Белки рыжие играли
С коалой австралийским.
Он улыбался, бил в ладоши.
Что ж мы то, как не дети!?

Трудности с русским языком

Я не могла понять, что за слова пишет моя дочь, начиная с четвертого-пятого слова. Я наблюдала за тем, как моя дочь пишет зрительный диктант, проще говоря, как она переписывает текст в свою тетрадь. Видимо ее глаза могли несколько первых минут более менее внимательно прочитать то, что написано в книжке, а затем глаза «уворачивались» от этого дела. И начинались обрывки слов. Руки что-то писали, работали, выводя какие-то корявые буквы левой рукой. Над тремя-четырьмя предложениями моя дочь сидела более часа. Это было ужасно медленно и слишком напряженно.

После того, как моя дочь якобы заканчивала свою работу, она либо залезала под стол и там сидела, либо пряталась в подушках дивана. И все мои попытки приблизиться к тому, чтобы она могла увидеть свою работу и проверить себя, не были эффективными. На просьбы дочь не реагировала. На уговоры хотя бы мельком взглянуть издали на свою работу дочь фыркала, злилась или начинала плакать. Иногда мне удавалось ее подтащить силой или выманить хитростью к столу. И тогда моя дочь молниеносно хватала тетрадку и рвала ее со страшной злостью. Или после часа рыданий моя дочь могла вырвать этот листок, предварительно его исчеркав, сесть и начать писать заново. Но посмотреть на второй раз написанный текст она также не решалась. Глаза откровенно трусили! Им было невыносимо противно смотреть на работу рук. Но и помогать своим рукам глаза дочери явно намерены не были.

Соппротивление глаз

Итак, на глаза не было никакой надежды. При этом, когда моя дочь смотрела мультики, она уходила полностью в этот процесс. Она могла не замечать вещей на столе, не видеть ничего вокруг, но стоило ей рассмотреть картинку, как она могла достаточно точно ее описать. Моя дочь обладала хорошей зрительной памятью. И я понимала, что неучастие глаз в письменной работе моей дочери является неким следствием. Дело не в том, что моя дочь плохо видела. Мы несколько раз ездили к разным специалистам, пока врачи меня не убедили, что глаза моей дочери здоровы и что если она не может хорошо читать и писать, то это проблема психологического характера.

Как только я убедилась, что у моей дочери в принципе с глазами все в порядке, я ужесточила свое отношение к ним. В плане чтения я стала предъявлять более строгие требования. А в плане письма, я на время глаза оставила в покое. Но подбирала для глаз необычные задания: головоломки, ребусы, лабиринты, запоминание картинок, поиск, расшифровка анаграмм и все, что могло развивать именно зрительное восприятие. Кроме того, мы занимались развитием визуального конструирования, собирали объемные пазлы, решали много геометрических заданий, развивали восприятие цвета и формы.

Довериться глазам

Основной задачей таких творческих заданий было укрепление уверенности в восприятии зрительной информации. Мне было важно не только развить визуальную систему восприятия, но и создать условия для того, чтобы моя дочь смогла начать доверять своим глазам. Потому что без доверия мы не могли сформировать зрительный контроль.

Вообще, любое контролирование чего-либо начинается с устойчивого доверия к этому чему-либо. Ребенок может при хорошо развитом зрительном восприятии запомнить, что слово «бегемот» пишется из таких букв, как: «б, е, г, е, м, о, т». Но вспомнить этот зрительный образ слова на диктанте и написать его правильно можно только при условии, что ребенок доверяет своим глазам больше, чем внутреннему голосу, который один раз может продиктовать ребенку «бигемот», второй раз внутренний голос ребенку продиктует «бегимот». И только глаза могут быть ответственными за грамотность написания того или иного сложного слова. А для формирования ответственности глаз, их контролю над письмом, им необходимо довериться. Все мои задания были направлены на формирование доверия к глазам, чтобы, в конце концов, именно глаза приняли на себя ответственность за письмо. Для того, чтобы ничто не могло отвлечь глаза от их работы, я сняла все яркие, красочные игрушки, поместившиеся на столе моей дочери. Поскольку в четвертом классе домашние уроки дочь делала на продленке в школе, наши занятия проходили по вечерам. И я особо старалась, чтобы хорошее настроение за ужином плавно перетекало и на вечерние занятия.

Отсутствие внутренней речи

Как я уже отмечала, у моей дочери была только внешняя речь. Внутренняя речь нам была недоступна — ее просто не было и все, о чем думала моя дочь, она тут же и выдавала вслух. Поэтому говорила она почти постоянно, вернее была вынуждена говорить. Первое время мои рассказы о том, что человек может думать внутри себя и что не обязательно все мысли высказывать вслух, не имели никакого эффекта. Поскольку внутренняя речь не была сформирована, то о внутреннем речевом контроле можно было только пока мечтать. И не более. Моя дочь при переписывании достаточного простого для 4 класса текста не умела себе ни диктовать, ни смотреть за тем, что пишут ее руки. Поэтому что руки написали, то и написали. Как говорится, что выросло, то выросло! Без контроля со стороны глаз и речи. А что могли написать руки?

Одиночество рук

Я рисовала на белом листе руки, обводила их цветным фломастером и показывала, что у них на кончиках пальцев нет своих глазок и ушек. Я постоянно хвалила руки своей дочери, которые ловко за все принимались. Руки научились печь блины, они клеили и вырезали, они мастерили и чинили. Руки были самыми открытыми и послушными. Поэтому я предложила рукам вернуться к прописям. Мы купили тетрадь и руки каждый день выводили буквы и цифры. Руки писали по пунктирным линиям и письмо моей дочери постепенно, параллельно с ее настроением и характером, выправлялось.

Кроме прописей, я затеяла игру с темпом письма. Мы купили электронный будильник с яркими цифрами, показывающими время. Мы фиксировали время начала и окончания переписывания текста. Основными показателями успешности выполнения этого задания было время и понятность написания букв. Ни о какой грамотности мы речь не вели. Время было очень значимым. За несколько месяцев усердных, ежедневных занятий моя дочь сократила время переписывания одинаковых по объему текстов с одного часа до 30 минут. Это была победа над медлительностью и неуверенностью рук.

С понятливостью почерка дело обстояло сложнее, поскольку для того, чтобы понять, какая буква написана в том или ином слове, моя дочь должна была посмотреть на эту букву. Я издалека показывала своей дочери ее работу и просила посмотреть на слово, которое я отметила зеленым фломастером. Чаще всего, моя дочь пыталась рассматривать непонятную мне букву с расстояния не менее одного метра. Потом постепенно она сократила это расстояние, поскольку тоже хотела понять, что же там написано. Иногда дочь даже брала в свои руки тетрадь, чтобы рассмотреть ту или иную спорную букву. Это был уже подвиг с ее стороны. Так, потихоньку, моя дочь училась воспринимать свою письменную работу со стороны.

Двойка **(первый рассказ моей дочери)**

Жил — был жираф. Он был отличником, кроме физкультуры. Ему дети показывали, как надо кувыркаться. А он не мог повторить. Когда он бегал, то был самый последний, не считая черепахи. Когда кончилась четверть, он шёл домой. И он на половине пути остановился и начал плакать. Когда люди проходили мимо, они думали, что начался дождь. Когда он пришёл домой, родители спросили:

— Ты что такой грустный.

— Я получил двойку.

Родители посоветовались и показали свои дневники. У них тоже были двойки по физкультуре.

В школе мы из двоек пока не вырывались по русскому языку, но зато мы гордились тем, что нам уже было за что их ставить! Количество ошибок было неимоверным, но мы устойчиво двигались по пути их сокращения. Спасительными для дочери были все творческие задания, сочинения, которые она писала очень интересно и даже более старательно, чем диктанты.

Напиши песню

Примерно через шесть месяцев наших занятий мы с дочерью приступили к диктовкам, то есть к письму со слуха. Моя дочь научилась себе диктовать еще в классе, слушая, как шепчут себе под нос слова ее одноклассники. И поскольку речевой регресс становился все более редким и нам удавалось контролировать коверкание слов, то мы придумали такую стратегию подготовки к «главному диктанту». Моя дочь очень любила слушать «Алису в стране чудес», где озвучивали роли знаменитые Абдулов, Румянова, Ханаева, Высоцкий. А какие замечательные слова и музыку написал Владимир Высоцкий! Его песни мы обожали и знали наизусть. Так вот, все и началось с «Алисы». Я какое-то время называла свою дочь «голова — два уха». В интерпретации «Алисы» это было завуалированное определение двоечника. Я попросила свою дочь написать эту песню, вернее слушать и записывать слова. Дочь с радостью и даже страстью взялась за дело. Каждый день мы слушали какую-то песню и проверяли, насколько точно дочь переписала слова к ней. Почему-то глазам моей дочери на слова любимых песен смотреть было позволительно, а на переписанные тексты — нет! Это была настоящая загадка, но выучив наизусть «Алису» и записав песни из этой сказки, мы стали «головой — три уха», поскольку наш главный диктант дочь написала на заслуженную тройку!

Таким образом, мы переписали все слова любимых песен Павла Кашина, Юты, Сургановой, Митяева, Визбора, Земфиры, Гребенщикова, Цоя, Шахрина и многих других. Мы продолжаем и поныне эту стратегию письма со слуха. Сложные и длинные слова мы точно научились писать более грамотно и целиком именно благодаря этой стратегии, потому что нам по душе стихи, и потому что глаза могут участвовать в процессе проверки. В зрительных диктантах глаза приступили к проверке значительно позднее. Понадобилось больше года тренировок, чтобы глаза могли спокойно и осознанно контролировать письмо и помогать своим рукам. На мощную поддержку глаз руки отреагировали немедленно, выработав несколько почерков, отличающихся аккуратностью и стройностью. На такую работу и глазам смотреть приятно!

В пятом классе дочь домашние уроки делала уже дома и я предпочла убрать телевизор в течение рабочей недели, чтобы ничто не могло отвлечь глаза моей дочери от своего главного предназначения — видеть, наблюдать, читать, решать, контролировать. Причем, мы договорились с дочерью, что выполнение домашних заданий является ее настоящим делом и я не контролирую их выполнение. Но почти каждый день моя дочь делала мои задания: либо это был определенный зрительный диктант, либо это было задание написать слова песни любимого исполнителя, либо это были задачки. Я брала учебник и выбирала 5 задач из принципиально разных математических тем. В это время я начала работать над новым проектом и приходила домой после 20.00. Все свои задания я писала дочери на листочке из симпатичного блокнота и прижимала магнитом на дверцу холодильника. Моя дочь самостоятельно делала и школьные, и мои задания.

Таким образом, я не только могла контролировать развитие способностей, но и была содержательно в курсе того, насколько моя дочь понимает тот учебный материал, который проходит в школе. И если какая-то задачка не решалась моей дочерью, то мы вместе читали учебник и старались понять, по каким правилам и принципам решаются такого типа задачи. Надо сказать, что учебник 5 класса по математике меня очень сильно расстраивал и приводил в раздражение. Определения сложения и вычитания я не смогла не только выучить даже после третьего прочтения, но я не смогла и понять, зачем так усложнять эти определения и кому они могут понадобиться в таком виде? В учебнике все темы были перемешаны и никакой ясности не представляли. Если и я не знала, как решить задачу, я пыталась найти данную тему в учебнике и тщательно изучить принципы и закономерности. Но найти в нашем учебнике по математике что-либо оказалось безнадежной тратой времени. Поэтому многие задачи приходилось решать на чистом и незамутненном здравом смысле. Особенно это касалось задач, решаемых с помощью уравнений. Я долго приучала свою дочь рисовать условие задачи, чтобы в чертеже или рисунке отражалась вся информация. И, конечно же, на рисунке должны быть знаки вопроса! Моя дочь частенько решала почти всю задачу, но увлекаясь записью ее решения, она забывала о главном вопросе задачи. В результате, задачу нельзя было считать решенной — ответа не было! С этой проблемой мы долго боролись, правда, уже без слез, что само по себе являлось

чудом. На листочке я нередко делала такую запись: «5 задачек», дальше перечислялись их номера, а затем крупно печатными буквами я писала: «рисунок + решение + ответ». И при проверке выполнения заданий я строго следила, чтобы моя схема реализовывалась полностью. Я длительное время вынуждена была идти на сознательную строгость и требовательность в процессе проверки. А каждый раз по его завершении я меняла, опять-таки сознательно, почти по-сталкерски, свое настроение. И даже если я была расстроена плохим выполнением моих заданий, как только я добивалась исправлений в задачах и примерах, я обязательно придумывала что-то интересное и увлекательное для того, чтобы напряженность нашего общения во время проверки не перетекала в напряженность наших отношений после ее завершения. Это было очень важным для меня.

Я очень радовалась тому, что моя доченька научилась изменять свое настроение в соответствии с ситуацией. В целом, настроение моей дочери стало очень позитивным и радостным, даже несмотря на уныние от двоек и слезы от невыносимого количества ошибок в русском языке! Я считаю, что хорошее настроение является важнейшим залогом эффективного обучения и развития в целом. И пусть мне, как приемной маме для своей дочери придется еще не раз и не два столкнуться с проблемами и полового созревания, и послушания, и вранья и много еще чего, наше хорошее настроение позволяло мне сохранять присутствие духа, укрепляло наше внимание и доверие.

Ромашка

(первая сказочная повесть моей дочери)

Жили-были розы. А около дороги росла Ромашка. Розы красовались собой. Их поливали. Они жили счастливо. А Ромашку никто не замечал. Она хотела превратиться в птицу и улететь. Она поняла, почему растёт. И она стала благоухать. Но, по-прежнему, её не замечали. Но однажды выбежала маленькая девочка и заметила Ромашку. И сказала: «Мама, смотри!». И все её заметили. И все удивились, как они могли не заметить Ромашку, ведь она с ними была вечно!

Лягушка

Жила — была семья. У них родилась дочь. Они поехали покупать ей одежду. Она хотела жёлтый плащ, а ей купили зелёный плащ с брошкой. Она обиделась и сказала: «Я буду гулять в нём только тогда, когда будет идти дождь».

Когда она шла по улице, все говорили: «Сейчас начнётся дождь». Хотя он уже шёл.

2 года мы вместе. Это много или мало? Если сравнивать с ее 4 годами, проведенными в детском садике (мы с дочкой договорились детский дом так называть), это мало. Ничтожно мало. А для того, чтобы подружиться и приладиться друг к другу — достаточно. Но 2 года — это ни для чего не много. И я не раз в этом убедилась. На горьком опыте. Ибо программа детского дома, как черт из табакерки, постоянно выскакивала и лишала меня внутреннего покоя, уверенности, подвижности. Как назло, программа детского дома глубоко въелась в душу моей дочери. Потому что она напрямую затрагивала ее личное будущее.

На моей кружке
Вздулись вены от тоски.
Жажда чистых вод.
Зачерпнуть бы из глубин
Без страха взбаламутить...

Социальные роли

Было воскресенье. Мы с дочерью сидели на кухне и после вкусного обеда баловались плюшками. Так как мы обе любим сладкое и фрукты, то особенно в выходные дни я старалась купить что-нибудь необычное. В разряд необычного входили гранаты, манго и клубника, а еще торты. Баловать сладким мы себя любили и не стеснялись его есть с наслаждением. Закончив с очередной плюшкой, моя дочь завела разговор о своем будущем.

— Мне в детском садике, — произнесла она с нажимом на слово «детском», — сказали, что когда мне исполнится 18 лет, я смогу выбирать, с кем мне жить — с тобой или со своей родной мамой. А еще мне сказали, — гордо подняв голову, добавила она, — что на суде меня спросят, с кем же я буду жить? Даже не знаю, кого из вас выбрать?

Наши взгляды встретились, и во мне что-то оборвалось. Что-то очень дорогое. Я опустила голову, и на меня накатило ощущение бессмысленности. С ответом я не торопилась, так как в этот миг у меня была масса слов. Но вот именно что масса. Вязкая, липкая, как пластилин.

— А я тоже не знаю, дочка, где ты будешь жить в 18 лет? — честно призналась я. Но очень важно, что сейчас ты находишься здесь, со мной. А если ты не знаешь, кого выбрать, тогда что ты здесь делаешь? Кто ты и что ты делаешь в таком случае в моей квартире?

Наш разговор стал похож на словесную дуэль, где каждый выпад был продуман со всей возможной тщательностью. На случайный треп это похоже не было. Но больше всего меня пронзил голос дочери, ставший в одночасье каким-то чужим и ядовитым. Однако вопрос был поставлен «ребром» и требовал ответа. Да, — подумала я, — два года дочь меня называла мамой. И мне очень повезло, что это произошло само собой, и что так решила именно она — моя дочь. Но одно дело произносить слово «мама», а другое дело принять на себя роль дочери. Моей дочери.

«Видимо настало время», — сказала себе я. И я попросила, благо было воскресенье и драгоценным временем мы располагали, свою дочь написать ответы на два моих вопроса: «Кто ты?» и «Зачем ты здесь?». Дочь ушла к себе в комнату.

Я понимала, что моя просьба может поставить дочь в тупик. Но она быстро и легко написала сказочку:

Жила-была девочка. Мама задала вопрос: «Кто она для мамы?» и «Для чего она здесь». Девочка ответила

так: «Она — приемная мамина дочь». Потом мама ее удочерила и они жили долго и счастливо.

— Мам, я написала, — дочь вошла на кухню и протянула мне свои ответы.

— Садись и читай.

— Может ты сама прочтешь?

— Нет. Это твои ответы.

Дочь сердито уселась в кресло и таким же отчужденным голосом прочитала то, что написала.

— Дочь, если ты написала сказку, то могла бы написать ее более интересно. Мы с тобой много сказок сочинили, и даже сценариев. Помнишь, как мы ставили пьесу про бычка?

— Ну, — замялась дочь, ты же сказала написать ответы. Вот я и написала.

— А где видно, что это твои ответы? Я услышала сказочку про какую-то девочку. Но это не ты и не я. Я должна знать точно, кто ты для меня. Про себя я знаю, что я — твоя приемная мама, и я много делаю для того, чтобы ты чувствовала себя уверенно, научилась играть на флейте, в большой теннис, чтобы нам с тобой было интересно жить вместе, чтобы в школе ты смогла проявить свои способности. Мне, как приемной маме, очень важно то, что сейчас происходит с нами, и я хочу, я должна знать, что ты думаешь про себя: кто ты и зачем тебе я? Иди и напиши свои ответы на мои вопросы честно и откровенно!

Несмотря на то, что всем своим скорпионским видом моя дочь показывала, что весьма сожалеет о том, что ее «халтура не прошла», она встала и засела опять за письмо без лишних напоминаний. Во второй раз моя дочь написала следующее:

Жила-была я. И мне мама задала вопросы: «Кто я для нее?» и «Что я тут делаю?». Я — ее приемная дочь. Она меня удочерила, привезла в этот город. Она начала меня учить, помогать мне, возить меня в кинотеатр. Но я для нее ничего не сделала полезного.

— Так лучше?

— По крайней мере, честнее. Но меня очень смущает, что ты думаешь, что только я стараюсь для тебя. Ведь это ты преодолеваешь все учебные трудности, выполняешь мои задания. Без тебя и твоих усилий разве ты могла бы так измениться? И уж совсем я не понимаю про то, что ты ничего полезного не сделала мне? Это как?

— Нам в детском доме говорили, что мы должны будем отплатить добром и ухаживать за своими родителями, — проямлила дочь себе под нос.

— И что ты думаешь? Ты сомневаешься, что способна сделать что-то хорошее и доброе в принципе? Или ты раздумываешь, делать ли лично для меня что-то полезное?

— Не знаю.

Лицо дочери стало задумчивым. И вообще все в нашей кухне как-то замерло.

Мы посидели минуты две-три в тишине, и я решила начать издалека.

— Вот наша кошка Тигра. Ты ведь за ней ухаживаешь? Это естественно ухаживать за теми, кто тебе дорог. И вопрос только в этом. Кто для тебя дорог? Если я для тебя остаюсь на уровне «она», как ты пишешь в своем ответе, то меня можно и не слушать, и всерьез не воспринимать.

Какая разница, что тебе говорит «она»? Какая разница, сколько сил вкладывает в твое развитие «она»? Что с «ней» церемониться, это ведь просто «она»? Да и кто вообще такая «она»? Что это «она» себе позволяет? С какой стати «она» мне указывает? Если мы с тобой «она» и «она», то можно прямо завтра брать билет обратно. Потому что за два года мы не смогли поверить друг в друга! Ты для меня — моя дочь. Я хочу, чтобы ты

это знала. И настало время и тебе ответить на вопрос: «Кто ты для меня и зачем ты здесь?».

Я думала, что моя дочь сейчас разрыдается. Но она, не сходя с места, перевернула тетрадный лист и на обратной стороне написала следующее:

В отсутствие папы я признаю, что ты здесь самая главная, что ты — моя мама, а я — твоя дочь.

Увял одуванчик.
Не дождался рассвета.
Ветер игривый
Знает, куда ему лететь.
Мы все меняем форму!

Мне было над чем подумать. Конечно, я подозревала, что принятие социальных ролей изначально зиждется на иерархии. Но я за свою жизнь ни разу не сталкивалась с людьми, для которых было бы жизненно важно утвердить и утвердиться в иерархии. От ребенка такой необходимости я не ожидала. И это было огромной ошибкой с моей стороны. Мне пришлось глубоко занырнуть во все свои отношения с бывшим мужем, друзьями, подругами и коллегами. И как бы я не любила в отношениях со взрослыми людьми такие понятия как сотрудничество и равенство, именно ребенок ввел в мой мир понятие иерархии.

Когда в семье появляется первый ребенок, он становится третьим членом семьи. Если в семье появляется второй ребенок, он становится четвертым членом семьи. И так далее, в той же последовательности. Кровные узы являются безошибочным и абсолютным стержнем формирования целостной иерархии семьи, которая, в свою очередь, также занимает определенное место в иерархии рода. Кроме того, в самих названиях ролей содержится четкое и определенное указание на иерархию: старшая сестра, младший брат. Большое количество рожденных детей в семье не только увеличивали шансы самой семьи на выживание, но и крепко удерживали семью в единожды заведенном порядке. У каждого было свое место, была своя роль, были и свои обязанности.

У ребенка из такой семьи не мог появиться вопрос: «Кто я и что я здесь делаю?». В семье, в которой установлена четкая иерархия, не могут возникать проблемы с послушанием, уважением в принципе. И возникновение этих проблем и является доказательством того, что иерархия нарушена.

Удивительным для меня было то, что моя дочь написала свое

признание, как будто всегда знала это. На мой взгляд, она знала свою роль дочери, но не могла принять. Моя дочь знала свою роль дочери еще до меня, еще до того, как приехала со мной. Возможно, глубоко в душе она отвергла роль дочери, как отринула свою роль матери ее кровная, родная мама. Возможно, что годы скитаний и годы, проведенные в детском доме, искорежили ее знание о своем месте в семье, но полностью уничтожить это знание не смогли. Что-то самое главное, самое сокровенное моя дочь внутри себя смогла спрятать, утаить от разрушения и обесмысливания. И я очень благодарна своей дочери за ее силу, за то, что она смогла сохранить в себе роль дочери хотя бы в спрятанном, усеченном виде несмотря на все предательство и отвержение со стороны кровной матери и ее многочисленного рода.

Все два года моя дочь пыталась отвертеться от настоящего принятия на себя роли дочери по разным причинам. Возможно, ей нужно было именно это время, чтобы найти в себе то, что ей тогда удалось так глубоко запрятать. Возможно, она ждала какого-то знака, какого-то счастливого случая, чтобы решиться «достать из глубин» свое признание роли дочери и довериться моей роли матери. Пусть и приемной, но матери. Потому что моя дочь вполне осознанно инициировала ситуацию ролевого самоопределения. И она позволила себе признать свою роль. Я бы даже сказала, что для нее это было делом нетрудным. Это произошло без внутреннего надрыва, как поставить свою личную подпись на важном, но давно уже найденном и утвержденном документе.

У нас появилось нечто, что приблизительно, можно назвать программой «по умолчанию». По умолчанию я, как главная, принимала определенные решения, которые касались меня и моей дочери. Когда считала нужным, спрашивала мнение дочки, когда не считала нужным — не спрашивала. Все стало намного проще. Борьба, сопротивление, агрессия, проявление неуважения растворялись в том самом признании моей дочери и освобождали ее личные ресурсы для развития как физического, так и психического. Однако, это самое «умолчание» ослабило и мое внимание. И я совершила непростительную ошибку — я позволила себе несколько раз сыграть в демократию. Как оказалось, иерархия не только поддается разрушению временем, но и сама по себе является абсолютной ловушкой, ибо воспользоваться плодами иерархии может кто угодно, если сильно захочет! Я хочу сказать, что ваше место главного иерарха (верховен только Бог) может занять другой человек. Но тогда я еще этого не понимала, потому что с этим не столкнулась. Но об

этом еще не время.